

ПАЛАНТИР

журнал

Толкиновского общества
Санкт-Петербурга

№82

октябрь 2020

СОДЕРЖАНИЕ:

Дж.Р.Р. Толкин

Корриган (с комментариями Верлин Флигер).

Перевод К. Пирожкова . . . . . 3**Кристина Ларсен**

Магия, брак и луна: средневековая символика луны в «Балладе об Аотру и Итрун» и «Гибели Артура» Дж.Р.Р. Толкина.

Перевод М. Семенихиной . . . . . 16**Дарий Ерастов**

Огненная сущность темных культов Первой эпохи 28

Дж.Р.Р. Толкин

Отчет Лаудхема (с комментариями Кристофера Толкина).

Перевод А. Базарова, Н. Калиниченко . . . . . 36**Интервью в «Палантир»: Сергей Беляков**

«Коллекция в настоящее время – мой приоритет в толкиноведении» 61

Обложка и оформление – **Моргул**.**Palantir**®**ПАЛАНТИР****№82 октябрь 2020****Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга**

Этот номер для вас делали:

Константин Пирожков, Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул

e-mail: palantir.mail@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](https://twitter.com/TolkienSpbRu)Наш сайт: tolkien.spb.ru**Copyright © 1997-2020 Толкиновское Общество СПб**

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц. Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж – 100 экземпляров.

Дж.Р.Р. Толкин

Корриган

Перевод Константина Пирожкова

Текст приводится по изданию: **The Lay of Aotrou and Itroun (HarperCollins, 2016)**Публикация, предисловия и комментарии к текстам – **Верлин Флигер**.*Страх перед прекрасной феей, свойственный эпохам более древним, нам почти недоступен.**Дж.Р.Р. Толкин. О волшебных сказках (перевод С. Лихачёвой)*

Предисловие (фрагмент)

«Баллада об Аотру и Итрун», как и два более кратких стихотворения, ей предшествующие, – порождение тёмной стороны воображения Дж.Р.Р. Толкина – представляет собой важное дополнение к несредиземским фрагментам основного корпуса его текстов и должна рассматриваться в одном ряду с другими толкиновскими пересказами уже существовавших мифов и легенд: «Легенде о Сигурде и Гудрун», «Гибели Артура» и «Истории Куллерво». Хотя в авторском заголовке не фигурирует никакая «прекрасная фея», упомянутая в эпитафии к этой книге, – вместо этого в центре внимания оказываются сеньор («Аотру») и сеньора («Итрун»), её жертвы – этот персонаж играет главную роль в нескольких стихотворениях Толкина, написанных в середине его жизни. Кроме «Баллады», она появляется в «*Ides Ælfscýne*» («Дама, прекрасная, как эльф»), одного из его произведений, включённых в сборник «Песни для филологов», частным образом напечатанный в 1936 г. Здесь эльфийская дева заманивает смертного в страну фэйри; когда через пятьдесят лет он возвращается, все его друзья уже умерли. Хотя стихотворение Толкина написано на древнеанглийском языке, персонаж этот – соблазнительница из потустороннего мира, увлекающая смертного – часто встречается в кельтском фольклоре.

В «Балладе» представлена отдельная разновидность этого типа – фея из фольклора континентальных кельтов, называемая «корриган»: злокозненная, порой соблазнительная, чья опасная привлекательность воплощает и соблазн, и угрозу, тот самый «страх перед прекрасной феей» из моего эпитафия.

Корриган играет важную роль во всех стихотворениях этой книги, оставаясь за кадром в первом из них, «Корриган I», основанном на бретонской балладе, и выходя на первый план в «Корриган II», происходящей от бретонской песни. Гораздо более зловещим становится её присутствие в двух более длинных версиях, развивавшихся Толкином на основе «Корриган II».

Эта последовательность демонстрирует возрастающую влияние ее присутствия, по мере того как от стихотворения к стихотворению она играет всё более активную роль в жизни людей. И, наконец, она превосходит величайшую и самую знаменитую из толкиновских волшебных и таинственных лесных владычиц, также связанную с источником и фиалом: прекрасную и грозную Владычицу Золотого леса, эльфийскую королеву Галадриэль из «Властелина колец».

Все стихотворения в этой книге – плоды сравнительно короткого, но насыщенного периода в жизни Толкина, когда он глубоко погрузился в кельтские языки и мифологию. Все стихотворения в большей или меньшей степени восходят к единственному источнику: двуязычному (на бретонском и французском языках) сборнику фольклора Теодора Клода Анри Эрсара де ла Вильмарке «Barzaz-Breiz: Chants Populaires de la Bretagne» [*Народные песни Бретани (фр.)*], впервые опубликованному в 1839 г. и переизданному в 1840, 1845, 1846 и 1857 гг.

Труд Вильмарке был частью движения фольклористов Европы и Британских островов девятнадцатого века, попыткой в последний момент поймать и запечатлеть исконные народные и волшебные сказки и баллады, которые уже тогда быстро исчезали. Вильмарке рассчитывал, что «Barzaz-Breiz» станут для Бретани тем же, чем стали «Детские и семейные сказки» (*Kinder- und Hausmärchen*) братьев Гримм для Германии, сборник Чайлда «Английские и шотландские народные баллады» (*English and Scottish Popular Ballads*) и «Памятники старинной английской поэзии» (*Reliques of Ancient Poetry*) Перси для Британии, а «Калевала» Элиаса Лённрота – для Финляндии (и, добавим, чем должен был стать легендарный «Сильмариллион» для Англии в воображении Толкина). Это было воскрешение (или, в случае с Толкином, создание) народной традиции, которая могла бы способствовать укреплению культурной идентичности и служить её обоснованием. За этой попыткой стояло, особенно в случаях с Гриммами и Лённротом, не просто сохранение сказаний, но и открытие лежащих в их основе знаний, особенно языка, нередко архаичного регионального лексикона или диалекта, содержащего остатки утраченных или глубоко скрытых мифологии и мировоззрения – корней родной культуры.

Так было и у Вильмарке. Хотя Бретань была частью Франции с 1532 г., он пытался сохранить именно «кельтскую» бретонскую идентичность «бардов старины» (*anciens bardes*), а также бретонский язык, и поэтому он старательно указывал для своего материала местные источники и диалекты, в основном из регионов Леон, Корнуай и Трегье. «Chants Populaires», ставшие чрезвычайно популярными с первого издания, сразу же были переведены на немецкий, итальянский и польский языки. Английский перевод Тома Тейлора был опубликован в 1865 г. под названием «Баллады и песни Бретани». Позднее Вильмарке, как и братьев Гримм с Лённротом, обвиняли в манипуляциях с оригиналами, в «улучшении» источников. И хотя обвинения эти были до некоторой степени справедливы, лежащие в основе мифологические и фольклорные элементы были аутентичными, и такие обвинения не могли существенно уменьшить популярности интересующих нас произведений. «Barzaz-Breiz» постоянно переиздавались с тех пор, как появились на свет.

Толкин владел двухтомным изданием 1846 г., и на разворот каждого тома нанесена его подпись, «Джон Руэл Толкин», и дата приобретения, «1922». Они внесены в каталог его книг, хранящийся в библиотеке Английского факультета в Оксфорде, в котором указано

более сотни единиц литературы по кельтам – исторические труды, грамматики, глоссарии и словари, а также первоисточники по кельтской мифологии. Многие из них, подобно сборнику Вильмарке, были приобретены в начале 1920-х гг. В тот период Толкин работал ещё и над собственной мифологией, так что неудивительно, что одна деятельность влияла на другую, и содержание его кельтских исследований оказывало воздействие на форму и предмет его творческой работы. В числе прочих начинаний, он работал над «Лэ о Лейтиан», длинной поэмой, написанной рифмованными восьмисложными двустушиями, повествующей о великой любви Берена и Лутиэн, сказании, текстуальная история которого была подготовлена к изданию и опубликована Кристофером Толкином в «Песнях Белерианда».

КОРРИГАН I

Предисловие

Чтобы проследить, как Толкин написал законченную «Балладу об Аотру и Итрун», нам следует вернуться к его, должно быть, первым вылазкам на эту территорию – стихотворениям «Корриган». Очевидно, предназначенные быть парой, – Кристофер Толкин описывает их как комплекс – они представляют собой своего рода диптих, примыкающие друг к другу произведения, объединённые общим заголовком «Корриган». Основная тема в обоих – та же, что и в «Аотру и Итрун»: взаимодействие одной из фэйри, «корриган», с миром людей. Тем не менее, сюжеты частей I и II не похожи друг на друга, и связывает их лишь присутствие корриган.

В длинной «Балладе» Толкин использует взаимозаменяемые термины «ведьма» (*witch*), «фея» (*fae*) и «корриган» (*corrigan*), а здесь, в более кратких стихотворениях, он употребляет лишь бретонское слово. *Corrigan*, или *korrigan* – это уменьшительная форма женского рода от бретонского слова *corr* или *korr*, «карлик», и, кажется, происхождением своим обязано той точке зрения, что эти существа уменьшились относительно их первоначального размера. Согласно британскому фольклористу Кэтерин Бриггс, именно из-за того, что «они жаждут укрепить свой угасающий род», «корриган [написание *the Korrigans*, очевидно, представляет собой один из вариантов] изо всех сил стараются похитить какое-нибудь смертное дитя или заставляют смертного мужчину стать их любовником» (Briggs, 1976, p. 156). Сюжет «Корриган I» касается первого случая – похищения смертного младенца и подмены его ребенком-фэйри. Сюжет «Корриган II», как и опубликованных «Аотру и Итрун», описывает второй случай – попытку женщины-фэйри соблазнить или залучить к себе смертного мужчину, с роковыми последствиями для него. Присутствие источника или колодца в обоих стихотворениях указывает на то, что корриган была водяной феей, обитающей в местах, связанных с водой, или поблизости от них.

КОРРИГАН I

Как указал ранее Кристофер Толкин, на полях заголовка чистового экземпляра этого стихотворения фигурирует карандашная заметка почерком Толкина: «Навеяно “*Ar Bugel Laec’hiet*”, корнуайской песней». [Бретонский термин *bugel* является родственным валлийскому *bwg* or *bwgwl*, «устрашающий», как в сочетании *bygel* (или *bugail*) *nos*, «ночной гоблин», и встречается также в сложном бретонском слове «*bugelnoz*», которое Макиллоп истолковал как

«ночной бес», «гоблин». – Примечание автора.]

Это отсылка к тексту IV раздела *Chants Mythologiques* – первого в сборнике Вильямарке «Barzaz-Breiz». Его бретонский заголовок, *Ar bugel Laec'hiet*, снабжён примечанием «Les Kerne» («из Керна, или Корнуая»). На странице с параллельным французским переводом на том же развороте в сборнике Вильямарке стоит заглавие *L'Enfant Supposé [подменённый ребёнок (фр.)]*, с пояснением «Dialecte de Cornouaille» [*корнуайский диалект (фр.)*]. Регион, который у Вильямарке назван Керном, или Корнуаем, и на который указал Толкин, – это отдельная территория на юго-западном побережье Бретани, с собственными диалектом, народными обычаями и фольклором.

Несмотря на местные особенности, сама эта история – известный фольклорный мотив ребёнка-подменыша и материнской уловки для его разоблачения и возвращения её собственного малыша – распространена повсеместно в Западной Европе и на Британских островах. Помимо текста из сборника Вильямарке, существует текст из сборника «Le Nain de Kerhuiton» («Фэйри [букв. «карлик»] из Керюнтонна») Жозефа Лота, а вариации этой истории обнаруживаются в «Celtic Fairy Tales» («Кельтских волшебных сказках») Джозефа Джейкобса и «Kinder- und Hausmärchen» («Детских и семейных сказках») братьев Гримм.

«Корриган Ё» состоит из рифмованных терцетов с рифмующейся укороченной четвёртой строкой. Все строки представляют собой прямую речь. Приведенный ниже текст воспроизводит чистовик Толкина, но в разделе «Комментарии» я отметила некоторые изменения, произведённые в окончательном варианте, по сравнению с наброском, которые заметно меняют один из аспектов стихотворения (см. далее).

'Mary on earth, why dost thou weep?'

'My little child I could not keep:

A corrigan stole him in his sleep,

And I must weep.

«Мария, что за плач с земли?»

«Дитя сберечь мы не смогли:

С ним скрылась корриган вдали,

4 Мне – слёзы лить.

To a well they went for water clear,

In cradle crooning they left him here,

And I found him not, my baby dear,

Returning here.

К колодцу, где чиста вода,

Ушли, сын спал, и вот беда:

Я не нашла, придя сюда,

8 Своё дитя.

In the cradle a strange cry I heard.

Dark was his face like a wrinkled toad;

With hands he clawed, he mouthed and mowed,

But made no word.

Из люльки слышен странный крик,

В морщинах жабьих тёмный лик,

Кривляется, хватает вмиг,

12 Он нем и дик.

And ever he cries and claws the breast:
Seven long years, and still no rest;
Unweaned he wails, though I have pressed
My weary breast.

O Mary Maiden, who on throne of snow
Thine own babe in thine arms dost know,
Joy is round thee; but I have woe
And weep below.

Thy holy child thou hast on knee,
But mine is lost. A! where is he?
Mother of pity, pity me
Who cry to thee!'

'Mary on earth, do not mourn!
Thy child is not lost. He will return.
Go to the hermit that dwells by the burn,
And counsel learn.'

'Why dost thou knock? Why dost thou weep?
Why hast thou climbed my path so steep?'
'My little child I could not keep,
And ever I weep.'

'Bid them grind an acorn, bid them feign
In a shell to cook it for master and men
At midday hour. If he sees that then,
He will speak again.

And if he speaks, there hangs on thy wall
A cross-hilt sword old and tall –
Raise it to strike and he will call,
And the spell will fall.'

'What do they here, mother of me?
I marvel much at what I see
In this kitchen to-day. What can it be?
That I here see?'

Всегда ревёт, кусает грудь:
Семь лет не даст мне отдохнуть,
И не сберечь больную грудь,
16 Отлучишь – жуть.

Мария, дева, бел твой трон,
В твоих руках твой сын смышлён,
А мой мир радости лишён
20 К тебе мой стон.

Блаженный сын твой у тебя,
Где мой? Не нахожу себя,
Так сжался и ко мне, любя,
24 Молю, скорбя!»

«Мария на земле, сын жив,
К тебе вернётся, не тужи.
Спеши к отшельнику в глуши:
28 Совет внушит».

«Кто там? Рыдаешь отчего?
Зачем ко мне привёл путь твой?»
«Украли сына моего,
32 Мой вечен вой».

«В скорлупке жёлудь для еды
На всех готовь как будто ты,
Он, видя этот чудный вид,
36 Заговорит.

Схвати ты – лишь начнёт он речь –
С крестовой рукоятью меч,
Он сдастся, чтоб себя сберечь,
40 Проклятье – с плеч».

«Что ж делают здесь, мать моя?
На кухне стали удивлять.
Ну что за чудо бытия?
44 Что вижу я?»

‘What wouldst thou son? – on embers hot
Meal for men in a white pot
They grind and cook, that our food be got.
Why should they not?’

‘Mast in a shell for many men!
I saw the first egg before the white hen,
And the acorn before the oak in den –
There were strange things then.

The land of Brezail was fair, I trow:
I saw once silver birds enow,
And acorns of gold on every bough.
This is stranger now!’

‘Thou hast seen too much, too much, my son!
Thy words are wild, thy looks are wan.
This sword shall make thy dark blood run,
Thou art not my son!’

‘A! stay, a! stay thy cruel hand!
Soft thy son lay in our land,
But thou wouldst slay one who did stand
A prince in our land.’

‘Mary on earth, what didst thou find
When thou didst look in the room behind?
In cloth of silver who did wind
The child of thine?’

‘I looked on my child with heaven’s bliss,
I stooped to the cradle him to kiss,
And he opened the sweet eyes of his
For me to kiss.

He sat him up and arms he spread,
He caught my breast and to me said:
“A! mother of me, I am late in bed!
My dream is sped.”

«Что хочешь, сын? – Набрал углей,
В посуде белой для людей
Обед семье готовят всей.
48 Что же нужней?»

«В скорлупке жёлудь на весь дом!
Я с первым был до кур яйцом,
В долу в дуб выросшим плодом
52 Давно знаком.

Страна Брезайл, видал, мила,
Там птах серебрян, жёлудь злат,
Чудней, чем та земля была,
56 Сейчас дела!»

«Ты слишком много видел, сын
Ты хил и дик не без причин,
Тьму крови пустит меч один,
62 Ты мне не сын».

«А! Зла твоя рука, стой!
В стране у нас сын милый твой,
Сразишь того, кто принц быллой
66 Страны иной».

«Мария на земле, тогда
Нашла что, в горницу зайдя?
Осеребрил кто, нарядя,
68 Твоё дитя?»

«Свет рая – сына увидеть,
Склонилась к люльке я обнять,
Открыл глаза он, чтобы мать
72 Поцеловать.

Он сел, встречая мой наклон,
И обнял грудь, и молвил он:
“Мать, мне пора из люльки вон,
76 Прошёл мой сон”».

Хотя похожие истории о подменьяшах есть в других кельтских мифологиях, они изложены прозой. Я не нашла иных версий в стихах, кроме как у Вильмарке.

«**Мария... с земли**» [*Mary on earth*] (1.1) С этих трёх слов обращения рассказчик, начинающий стихотворение, приступает к описанию ситуации – заботы небесной Марии о земной матери – и завязывает конфликт между языческим фольклором и христианством.

«**С ним скрылась корриган вдали**» [*a corrigan stole him in his sleep*] (1.3). Томас Китли в разделе «Бретань» своей «Мифологии фэйри» (1892) цитирует Вильмарке и приводит краткий пересказ

истории подменьяша. Для того, чтобы вернуть собственное дитя, мать получает совет от Девы [Марии], которой она молилась, приготовить еду на десять работников-крестьян в скорлупе яйца, что заставит Коррида (*Corrid*) [sic!] заговорить, и после этого она должна хлестать его плетью, пока тот не заревёт, и после того, как она это выполнит, его заберут (Keightley, 1892, p. 436).

Вариант, в котором в Фаэри [Волшебную страну] похищается мать, а не ребёнок, приводится в раннем шотландском описании потустороннего мира Фаэри, «Тайное содружество эльфов, фавнов и фэйри» (*The Secret Commonwealth of Elves, Fauns and Fairies*). Автор, преподобный Роберт Кёрк, священник Аберфойла, в Шотландии, писал в 1691 г.:

Ещё живы женщины, что рассказывают, будто они были похищены с родового ложа, чтобы пестовать детей фэйри, а оставался вместо них образ ненасытный (подобный отражению их в зеркале) (Kirk, 1893, p. 72).

«**К колодцу, где чиста вода, ушли**» [*To a well they went for water clear*] (1.5). В стихотворении не уточняется, кто «ушел», но в бретонском оригинале и французском переводе это не какая-то безымянная группа, но скорее сама мать, оставившая своё дитя. Во французском переводе Вильмарке мать говорит: *En allant à la fontaine puiser de l'eau, je laissai mon Laoik dans son berceau*, «Отправившись к колодцу набрать воды, я оставила моего Лаоика [имя собственное] в колыбели».

«**В морщинах жабьих**» [*like a wrinkled toad*] (1.10). Внешность ребёнка-фэйри – общее место. В отличие от традиционной характеристики фэйри как «Прекрасного народа», младенцы-подменьяши традиционно описываются как безобразные, иссохшие, сверхъестественно маленькие и медленно растущие.

«**Мария, дева**» [*O Mary Maiden*] (1.17). Молитва происходит от верования, описанного Кэтерин Бриггс, что корриган «питают ... великую неприязнь ко всем христианским символам, и в особенности к Деве Марии, которая особо защищает тех человеческих младенцев, которых корриган пытаются похитить» (Briggs, 1976, p. 156).

«**С крестовой рукоятью меч**» [*a cross-hilt sword*] (1.38). Крестообразная рукоять превращает меч в христианский символ, который, соответственно, отвратителен для корриган

(см. «Мария, дева» выше и рассмотрение изменений ниже). Кроме того, он, несомненно, сделан из железа – материала, враждебного фэйри, который часто используется для их изгнания.

С первым... яйцом [*the first egg*] (1.50) – это выдаёт подлинный возраст подменыша; типичный приём в сказаниях о феях. У Лота в собрании бретонского фольклора «Le Nain de Kerhuiton» записан схожий эпизод:

Увидев, как кипятится вода в нескольких яичных скорлупах, выставленных перед открытым огнём, полпеган-подменыш так сильно удивляется, что невольно впервые начинает говорить, произнося: «Мне вот уже почти сто лет, а такого ещё не видал!» (Loth, *Le Nain de Kerhuiton*; цит. по (Evans-Wentz, 1911, p. 212)).

Страна Брезайл [*land of Brezail*] (1.53). Брезайл, или Хи-Бресал (Хай-Бразил), было названием одного из кельтских Потусторонних миров, который в кельтской мифологии предстаёт волшебной землёй на западе. Оно появляется у Вильмарке в бретонском тексте как *Brezal*, а в его французской переработке как *Brézal*. Толкиновский комментарий в эссе «О волшебных сказках», что «Хи Бресал», утратив своё мифическое наследие, стала «просто Бразилией, землей красного дерева» (перевод С. Лихачёвой) (*Monsters and Critics*, p. 111), намекает на то, что Толкин недоволен рационализацией, превращающей миф в историю.

Птах серебрян, жёлудь злат [*silver birds, acorns of gold*] (1.54–55). Это напоминает о белых птицах и волшебных плодах и ягодах, которые видели моряки в кельтских *imramma* («Плаваниях»), таких как *Navigatio* [Плавание (лат.)] Св. Брендана и очень на него похожие «Плавания» Брана и Майль Дуйна. В собственном толкиновском «Имраме», приложении к «Запискам клуба “Наитие”» (*Sauron Defeated*, p. 296–299), основанном на «*Navigatio*», упоминается дерево, покрытое тем, что выглядело как белые листья, которые внезапно, «как белые птицы, взвились» (перевод С. Степанова) (*Sauron Defeated*, p. 298).

Страны иной [*our land, «нашей страны»*] (1.62 и 64). Это указание ребёнка-подменыша на кельтский Потусторонний мир, в котором существует собственная королевская иерархия и который обычно изображается как граничащий с нашим миром, но невидимый для него. Потусторонний мир часто находится за морем или под озером, но пещеры, гроты и леса также могут служить входами в мир фэйри, и люди могут пересечь его границу, не подозревая об этом.

Горницу [*the room behind*] (1.66). В ситуациях с детьми-подменьями корриган, очевидно, способны входить в «реальный» мир и покидать его по своей воле.

Осеребрил... нарядя [*cloth of silver*] (1.67). Когда проклятие пало, корриган тайком вернули человеческое дитя, всё ещё окутанное королевскими одеяниями фэйри.

По большей части, переработка от набросков до чистовика минимальна – изменение то одного, то другого слова или фразы, например, с *Mari goant* и *Mary la belle* [красавица Мари] бретонского и французского источника на толкиновскую «Марию с земли». Однако одно

изменение – или серия изменений – между ранним черновиком и окончательным вариантом включает радикальное отступление от бретонского первоисточника. В окончательном варианте строки 37–40 читаются так:

And if he speaks, there hangs on thy wall
A cross-hilt sword old and tall –
Raise it to strike and he will call,
And the spell will fall.

Схвати ты – лишь начнёт он речь –
С крестовой рукоятью меч,
Он сдастся, чтоб себя сберечь,
Проклятье – с плеч.

Ранний черновик совершенно иной:

And if he speak, then beat him well,
Beat him sore till he doth wail.
They will come at his call, as at a spell;
They will not fail!

Лишь речь начнёт, его ты бей
Нещадно, позовёт он фей,
Как в чарах, явятся к тебе
Всего верней!

Эти последние строки – откровенный перевод бретонского текста, который я привожу здесь, чтобы передать ощущения от языка оригинала, языка, который привёл Толкина к открытию особой культуры, в которую внедрены её мифы и фольклор.

Pa'n deuz prezeget flemm-han, flemm!
Pa eo bet flemmet ken, a glemm;
pa eo klevet, he lammer lemm. (*Barzaz-Breiz*, 1846, p. 52)

Цитата из подстрочного французского перевода Вильмарке:

Quand il a parlé, fouettez-le, fouettez-le bien; quant il a été bien fouetté, il crie; quand il a été entendu, il est enlevé promptement. (*ibid.*, p. 53)
[Как только он заговорит – бей его, бей его как следует; если его хорошенько побить, он заплачет; когда его услышат, его унесут немедленно.]

Мотив битья – несомненно, более традиционный способ изгнания подменыша, чем меч с крестообразной рукоятью. Лот пишет о таком же завершении эпизода с яичной скорлупой, описанного выше. Когда ребёнок-подменьш раскрывает свой возраст, заговорив, мать в ответ бьёт его.

«А! Дьявольское отродье!» – кричит после этого мать, выскочив из своего укрытия, и бьёт полпегана – которого посредством испытания яичной скорлупой обхитрили, так что он проявил свою демоническую природу (*Loth, Le Nain de Kerhuiton*, цит. по (Evans-Wentz, 1911, p. 212)).

Решение Толкина заменить угрозой мечом с крестообразной рукоятью дикое избиение ребёнка-подменыша очевидно подходит противостоянию христианства с язычниками-фэйри, и более гармонично сочетается с происходящим в стихотворении диалогом между земной Марией и Марией небесной. Схожий сдвиг происходит в строках 57–60, которые в толкиновском чистовике выглядят так:

Thou hast seen too much, too much, my son!
 Thy words are wild, thy looks are wan.
 This sword shall make thy dark blood run,
 Thou art not my son!

Ты слишком много видел, сын
 Ты хил и дик не без причин,
 Тьму крови пустит меч один,
 Ты мне не сын.

В раннем черновике имеем:

Thou hast seen too much, too much, my son!
 Thy words are wild, thy looks are wan.
 I will beat thee, beat thee till the blood run.
 A, cry, my son!

Ты слишком много видел, сын
 Ты хил и дик не без причин,
 Побью до крови на помин,
 Так плачь, мой сын!

И вновь ранняя версия добросовестно приближается к бретонскому стихотворению, хотя Толкин заменил описание ономапопейческих звуковых эффектов оригинала.

– Re draou a welaz-te, va map;
Da flap! da flip! da flip! da flap!
Da flip, potr koz! ha me da grap!
 (*Barzaz-Breiz*, 1846, p. 52)

Это продублировано в переводе Вильмарке:

Tu as vu trop de choses mon fils: *clac! clac! clac! clac!* Petit viellard, ah!, je te tiens!
 (ibid., p. 53)

[Ты видел слишком много, мой сын! Шлеп! Бац! Шлеп! Бац! Ах ты старикашка, я тебя держу!]

В том же духе строки 61–64 в толкиновском чистовике читаются так:

A! stay, a! stay thy cruel hand!
 Soft thy son lay in our land,
 But thou wouldst slay one who did stand
 A prince in our land.

А! Зла твоя рука, постой!
 В стране у нас сын милый твой,
 Сразишь того, кто принц быллой
 Страны иной.

В ранней версии они были такими:

Ah stay, ah stay thy cruel hand;
 For soft thy son lay in our land,
 But thou dost beat one who did stand
 Once King in our land!

А! Зла твоя рука, постой!
 В стране у нас сын милый твой,
 Того бьёшь, кто король былой
 Страны иной.

У Толкина здесь и чистовик, и черновик отчётливо отступают от бретонского первоисточника. В то время как чистовик избавляется от последних следов физического насилия, – перемена, обусловленная изменениями в предыдущих строфах – и чистовик, и набросок сходятся в том, что к королевской семье Фаэри принадлежит ребёнок-подменш (будь то принц или король), в то время как и в бретонском оригинале, и в передаче его по-французски именно человеческое дитя было королём в стране Фаэри («Я не причинил вреда твоему сыну; он король в нашей стране»).

– Sko ket gant-han, lez-han gan-i;
 Na rann-me droug da da hini,
 ‘Ma brenn er bro-ni gan-e-omp-ni. (ibid., p. 52)

Ne le frappe pas, rends-le-moi; je ne fais aucun mal au tien; il est notre roi dans notre pays. (ibid., p. 53)

[Не бей его, верни его мне; я не сделаю никакого вреда твоему ребенку; он наш король в нашей стране.]

КОРРИГАН II

Бретонская песнь – по «Aotrou Nann Hag ar Gorrigan», песни из Леона

Предисловие

Толкиновский подзаголовок представляет здесь более формальную цитату, чем его карандашный набросок на полях «Корриган I». «Aotrou Nann Hag ar Gorrigan» («Сеньор Нанн и Корриган») – это третье произведение в собрании Эрсара де ла Вилльмарке. Подобно «Ar Bugel Laec’hiet», оно было опубликовано как на бретонском, с пометкой «Es Leon» («из Леона»), так и на французском, с французским заголовком *Le Seigneur Nann et la Fée* [*Сеньор Нанн и фея (фр.)*] и пометкой «Dialecte de Léon» [*леонский диалект (фр.)*]. Леон из подзаголовка – как и Корнуай, отдельный регион в Бретани: крайняя западная оконечность полуострова, для фольклориста – область, четко отличающаяся от Корнуа по диалекту, обычаям и одежде. Тем не менее, существуют очевидные параллели между этими регионами, что подтверждается повторением слова «корриган».

Подобно «Ar Bugel Laec’hiet», это стихотворение передает близко к тексту бретонский источник, в котором сеньор, недавно ставший отцом близнецов, обещает принести своей жене «лань», чтобы отпраздновать рождение их сына. Он преследует белую олениху, которая приводит его к источнику феи. Пытаясь его соблазнить, фея угрожает ему смертью, если он на

ней не «женится». Он отказывается и, как она и предсказывала, умирает «на третье утро». Его жена умирает от горя, и их хоронят вместе. В истории не хватает «холодного совета» (*counsel cold*) [строка 24, в переводе С. Степанова выражение опущено], который в более поздней и длинной «Аотру и Итрун» омрачает мысли бездетного сеньора и заставляет его нарочно искать фею, чтобы приобрести волшебное снадобье, помогающее от бесплодия. Без такого усложнения сюжет «Корриган II» следует стандартной формуле волшебной сказки о случайном попадании невинного смертного в мир фэйри и последствиях этого – сюжет, который Толкин в эссе «О волшебных сказках» назвал «Драмой Фаэри» и описал его как «пьесы, которые, если верить многочисленным свидетельствам, эльфы зачастую представляли перед людьми» (перевод С. Лихачёвой) (*Monsters and Critics*, p. 142).

У бретонской баллады есть аналоги в других культурах. Собрание Чайлда предлагает три английские версии, в которых фэйри является русалкой, в то время как Вильмарке цитирует датскую балладу «Sire Olaf dans la danse des Elves» [*Сеньор Олаф и пляска эльфов (фр.)*] (*Barzaz-Breiz*, 1846, p. 46). Более полное рассмотрение других версий см. в статье «Источник “Лэ об Аотру и Итрун”» (*The Source of “The Lay of Aotrou and Itroun”*) Джессики Йейтс из сборника трудов Четвертой мастерской Толкиновского общества «Leaves From the Tree: J.R.R. Tolkien’s Shorter Fiction» [*Листья с Деревя: малые художественные произведения Дж.Р.Р. Толкина*], опубликованного Британским Толкиновским обществом в Лондоне в 1991 г.

Подобно «Корриган I», «Корриган II» представляет собой балладу, но с другим сюжетом, более длинную и с более сложной схемой рифмовки – три строки рифмуются как *aaa*, а строка *b*, рефрен, оканчивается на безударный слог и рифмуется со строкой *b* следующей строфы. Чистовой копии предшествовали два более кратких черновика, представляющих в основном грубые наброски, с множеством вычёркиваний и вставок на полях.

Отрывок текста «Корриган II»

See how high in their joy they ride, The young earl and his young bride! May nought ever their joy divide, Though the world be full of wonder.	4	Вот верхом, довольны ездой, Граф с невестой молодой, Не сменить бы единство бедой, Хоть чудес на свете много.
---	---	--

There is a song from windows high. Why do they sing? Light may she lie! Yestreve there came two babes' cry As I stood thereunder.	8	Что ж льётся песня из окна? Разрешилась легко жена! Двойней вчера одарена, Слышал я из окон.
--	---	---

A manchild and a fair maid Were as lilies fair in cradle laid, And the earl to his young wife said: 'For what doth thy heart hunger?	12	Дева и мальчик вот-вот заснут, Как две лилии – в люльку одну, Тут юный граф спросил жену: «Что твоё сердце жаждет?»
---	----	--

A son thou hast given me,
And that will I find for thee,
Though I should ride o'er land and lea,
And suffer thirst and hunger.

Сын – это дар для меня
Дар я найду для тебя,
Хоть всюду ездить буду я,
16 Голод стерплю и жажду...».

Список использованной литературы

Barzaz-Breiz: Chants Populaires de la Bretagne, recueillis et publiés avec une Traduction française, des Arguments, des Notes et les Mélodies originales, par Th. Hersart de la Villemarqué. Quatrième Édition, augmentée de trente-trois nouvelles Ballades historiques. Paris – Leipzig, 1846. T. 1.

Briggs, K. *An Encyclopedia of Fairies: Hobgoblins, Brownies, Bogies, and other supernatural creatures.* New York, 1976.

Evans-Wentz, W.Y. *The Fairy-Faith in Celtic Countries.* Oxford University Press, 1911.

Keightley, T. *The Fairy Mythology: Illustrative of the Romance and Superstition of Various Countries. A New Edition, Revised and Greatly Enlarged.* London & New York, 1892.

Kirk, R. and A. Lang. *The Secret Commonwealth of Elves, Fauns and Fairies: A Study in Folk-Lore & Psychical Research.* The Text by Robert Kirk, M.A., Minister of Aberfoyle, A.D. 1691. The Comment by Andrew Lang, M.A. London, 1893.

Tolkien, J.R.R. *The Monsters and the Critics and Other Essays,* edited by Christopher Tolkien. London: George Allen & Unwin, 1983. [Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Чудовища и критики и другие статьи. М.: Elsewhere, 2006; пагинация оригинала сохранена.]

Tolkien, J.R.R. *Sauron Defeated (The History of Middle-earth, v. IX,* edited by Christopher Tolkien). HarperCollins, 1992.

Yates, J. The Source of *The Lay of Aotrou and Itroun // Leaves From the Tree: J.R.R. Tolkien's Shorter Fiction,* ed. by Alex Lewis. London: The Tolkien Society, 1991. P. 63–71.

Кристина Ларсен

**Магия, брак и луна:
средневековая символика луны в
«Балладе об Аотру и Итрун» и
«Гибели Артура» Дж.Р.Р. Толкина**

Перевод Марии Семенихиной

Опубликовано в: *Journal of Tolkien Research*: Vol. 6 : Iss. 2 , Article 2 (2018).

<https://scholar.valpo.edu/journaloftolkienresearch/vol6/iss2/2>

Доклад, прочитанный на Международном конгрессе медиевистов 2017 г. в Лидском университете (Великобритания).

В письме 1951 г. к Милтону Уолдману Толкин пишет: «Свет – настолько основополагающий символ в природе вселенной, что проанализировать его вряд ли возможно» (*Letters*, 2000, p. 148). Что ж, Профессор, вызов принят. Конечно, центральные источники света в Легендариуме – Сильмариллы, злосчастные самоцветы, в которых был сохранен свет Двух Древ Валинора, прежде чем Мелькор и Унголиант осквернили и погубили сами Древа. Последние плод и цветок Золотого и Серебряного Древ стали Солнцем и Луной, соответственно, но поскольку, как пишет Толкин Уолдману, «свет Солнца (или Луны) был взят от Дерев лишь после того, как их осквернило Зло», то испорченная природа этих небесных тел служит мощным символом падшего мира, в котором мы живем (*Letters*, 2000, p. 148).

В нашем первичном мире мы наблюдаем лунные и солнечные циклы, и самые заметные из них – их восходы и закаты, а также смены лунных фаз. Лунный цикл из 29,5 дней исторически был разделен на три сегмента: полнолуние, прибывающая луна (с новолуния до полнолуния), или увеличение ее освещенной поверхности, и убывающая луна, или стадия сокращения освещенной поверхности после полнолуния, ведущая обратно к новолунию. Кажущееся рождение Луны заново и ее смерть (и возрождение) через 29,5 дней привели к появлению таких выражений, как «молодая луна» и «старая луна», или «растущий месяц» и «стареющий месяц» (прибывающая

и убывающая фазы, соответственно).

Фазы Луны играли важную роль в легендарии еще с его первых версий в «Книге утраченных сказаний», что подробно описывается в других работах. Я только отмечу, что Толкин в 1930-е гг., работая над «Хоббитом», придерживался ошибочной концепции, что лунный цикл составляет 28 дней, а не 29,5 – на что указала Джону Рэйтлиффу (Rateliff, 2010) на основании заметок, опубликованных в «Истории Хоббита». Но возрастание и убывание Солнца тоже находилось в центре толкиновского мировидения. Как описывается в древнеегипетской мифологии, восход можно понимать как рождение Солнца, высшая точка нахождения Солнца на небосводе в местный полдень аналогична полнолунью, а движение Солнца после полудня к западному горизонту – его заход – ведет к его кажущейся смерти на закате. Ежегодное уменьшение полуденного угла падения солнечных лучей зимой (и увеличение в летнее время) символически представлялось в различных мифологиях как смерть и возрождение Солнца. Сам Толкин сравнивает убыль светового дня в осеннее время – знак надвигающейся зимы – с поведением стареющего человека. Он пишет в «Гибели Артура»: «Как в осенние дни земля истощается / и солнце перед закатом угасает / в скорбной мгле, так и человек жаждет / трудов и странствий, пока теплой течет / кровь, зажженная солнцем – так горела его [Артура] душа» [*As when the earth dwindles in autumn days/and soon to its setting the sun is waning/under mournful mist, then a man will lust/for work and wandering, while yet warm floweth/blood sun-kindled, so burned his soul*] (*Fall of Arthur*, 2013, p. 17).

Хотя Толкин и не описывает в своей мифологии восход и заход солнца как смерть и рождение, но совершенство Двух Древ показано Толкином прежде всего через понятие роста и убыли света. Например, в «Книге утраченных сказаний» свет каждого из Древ разгорается и угасает за 12 часов, составляя заверченный цикл (*Book of Lost Tales, Part One*, 1984, p. 73). В «Квенте» (написанной около 1930 г. и опубликованной в «Устроении Средиземья») мы читаем: «В течение семи часов великолепное сияние каждого из деревьев разгоралось все ярче, и еще семь часов шло на убыль. В том деревья сменяли друг друга, так что всякий день в Валиноре дважды наступал час приглушенного света, когда каждое из деревьев меркло, и золотое и серебряное мерцание их сливались воедино; ибо на седьмой час цветения белого Сильпиона пробуждалась золотая Лаурелин» (*Shaping of Middle-earth*, 1986, pp. 80–81).

Судя по описанию И. Кисор (Kisor, 2007), мифология Толкина интересна (но не уникальна) тем, что Луна в ней связана со служителем-мужчиной, а Солнце – с женщиной. В литературе античности (Греции и Рима) и Средневековья Луна явно отождествляется не просто с женским божеством, но с женщинами вообще – что неудивительно, если учесть примерно одинаковое число дней в лунном и менструальном циклах. Символическое разрастание месяца до полной луны и связь Луны с символикой рождения также привели к ассоциированию Луны с плодородием. Существуют и многочисленные суеверия, касающиеся способности ведьм управлять Луной или вытягивать из нее силу.

Например, в античной Греции рассказывали, что фессалийские колдуньи умеют «сводить луну с неба» – это предание продолжает цитироваться в популярной литературе и сейчас (Mili, 2015). Связь между Луной и женщинами также использовалась как метафора для женщин, неполноценных существ с точки зрения средневекового человека. Элизабет Пеппер (Pepper, 2002, страница не указана) считает, что в средневековой литературе бытовала идея, символизирующая женскую пассивность и мужскую активность: «женственная Луна светит только отраженным

светом мужественного Солнца».

Важно отметить, что идея о прямом воздействии фаз Луны на поведение человека – откуда происходит слово «лунатизм» – восходит как минимум к Аристотелю. Немецкая аббатиса двенадцатого века Хильдегарда Бингенская писала, что кровопускание наиболее эффективно в период убывающей луны, и что фаза Луны в момент зачатия человека влияет на особенности его личности (Berger, 1999). Лунный цикл, как полагали, также влияет на земледелие (в особенности на способность растений вытягивать воду из почвы), что привело к обычаям, касающимся посадки сельскохозяйственных культур, иногда называемым земледельческой астрологией (Zadoks, 2013).

Имея в виду все вышеперечисленное, я хотела бы указать на отсылки к этим преданиям и суевериям в двух поэтических произведениях Толкина – «Балладе об Аотру и Итрун» (впервые опубликованной в журнале *The Welsh Review* в 1945 г. и переизданной в 2016 г. в отдельном томе под редакцией Верлин Флигер) и неоконченной «Гибели Артура» (изданной в 2013 г. Кристофером Толкином). Мне кажется интересным, что над обоими этими поэтическими текстами Толкин работал в начале 1930-х, вскоре после работы над «Квентой» (вспомним вышеприведенный фрагмент о разгорании и угасании Двух Древ) и одновременно с написанием «Хоббита» (с его все усложняющимся и, к несчастью, неверным расчетом лунных фаз).

В «Балладе об Аотру и Итрун» фигурирует впавший в отчаяние Лорд-христианин, который приходит к Корриган (ведьме) в поисках зелья, которое помогло бы его бесплодной жене забеременеть. Впоследствии ценой за рождение детей-близнецов окажется жизнь самого Лорда. Он отказывается изменить жене и умирает через три дня после того, как был проклят. Леди, его жена, умирает от горя, а участь их злополучного потомства остается неизвестной. Стихотворение наполнено соперничающими мотивами света и тьмы, в том числе их возрастания и убывания, как в Примере 1 в Приложении, где мы читаем о сгущающихся мрачных думам Лорда, что у него нет наследника.

Восход и заход солнца отмечается в стихотворении неоднократно. На одном уровне это просто указание на течение времени, но, как видно в Примере 2, Лорд вступает в мрачные, губительные владения Корриган после того, как солнце село, в момент смерти дня, и движется «один меж светом и тьмой» (*Alone between the dark and light*) – и это, бесспорно, символическое высказывание (*Lay of Aotrou & Itroun* 2016, p. 5). Владения корриган столь тесно связаны с тьмой, – и буквально, и метафорически – что любой свет в ее владениях выглядит заметно ослабленным: он холоден (*cold*) и сер (*grey*), как в Примере 3. Лорд возвращается домой под покровом ночи (бродит в потемках в прямом смысле, а его жена бродит как в потемках в переносном смысле – то есть не знает, что он собирается для нее сделать), а когда просыпается с рассветом – его страхи и чувство вины начинают рассеиваться, а надежда и радость разгораются, как видно в Примере 4.

После рождения детей Лорд спрашивает жену, чего она хочет, и та вспоминает страшный, пугающий сон, из-за которого у нее возникло навязчивое желание отвезти лесной дичи. Как видно из Примера 5, Лорд гонится за оленем, когда садится солнце, и снова попадает к Корриган, которая теперь предстает в прекрасном облике в колдовском сиянии луны. Лорд отвергает ее ухаживания и обречен на смерть. Когда он лежит при смерти в доме странника, он дни напролет грезит о корриган в облике старой ведьмы, и его преследует ее голос, поющий «под луной». В более ранней версии стихотворения (в которой сюжетная линия лекарства от бесплодия еще не разработана) Лорд отвергает ухаживания Корриган, говоря: «скорее я умру тут же, / Чем

лягу с тобой в твоём холодном жилище, / О корриган, хотя странна твоя власть, / Поющая под ущербной луной» (*Lay of Aotrou & Itroun*, 2016, p. 51). Последняя строка, очевидно, относится к убывающей луне, луне, которая не восходит до глубокой ночи.

Между тем с рождения близнецов проходит семь дней, и Леди поднимается с постели и объявляет слугам, что собирается в церковь. Здесь отсылка к ритуалу, называемому *churching* (посещение церкви впервые после родов), но в этом стихотворении он происходит слишком рано (тогда как обычно женщина идет в церковь через 40 дней или 6 недель после родов). Если приговор для Лорда – умереть через три дня – является драматической кульминацией стихотворения и параллелью ему служит смерть Христа (разумеется, без воскресения), Толкин мог бы сделать и иной выбор. Смерть Лорда могла бы быть отсрочена на сорок дней, и при этом ее христианский символизм сохранился бы (намек на сорокадневный Великий пост).

Но сами по себе семь дней затворничества Леди имеют определенную лунную символику, так как приблизительно семь дней – это временной отрезок, за который одна лунная фаза сменяется следующей (например, полнолуние – третьей четвертью). А если вы сами вроде Толкина и находитесь под ошибочным впечатлением, что лунный цикл длится ровно 28 дней, символизм становится еще более явным.

В этом стихотворении есть еще одна интересная связь с Луной. Хотя триада богинь Луны, – так называемые «Дева-Мать-Старуха» – популяризированная поэтом Робертом Грейвзом, стала упоминаться в печати не ранее рубежа 1940–50-х гг., следует отметить, что Грейвз основывал свою гипотезу большей частью на более ранней работе Джейн Эллен Харрисон, преподавателя (лектора) Ньюэм-колледжа в Кембридже по дисциплине «античная археология». Работа была впервые опубликована между 1903 и 1912 гг. (Harrison, 1922; Harrison, 1962). Например, Харрисон отмечает, что триады богинь не только были нередки в мифологии, но в Стимфалосе, судя по рассказам, даже были три святилища в честь Геры как девушки, невесты Зевса и вдовы (намек на ее постоянные ссоры с любвеобильным супругом). В стихотворении Толкина Леди также показана в три периода ее жизни: как невеста (когда они с мужем символически обновляют свой брак на особом пиру), молодая мать и, наконец, вдова.

Представлена и триада женских персонажей – «дитя-девица» (как Толкин именуется близнеца-девочку), Леди и Корриган (иногда появляющаяся в облике старой ведьмы).

В стихотворении, предшествовавшем «Балладе об Аотру и Итрун», Корриган появляется только в прекрасном и соблазнительном виде – женщины-феи (*fay woman*), и, как напоминает нам Верлин Флигер, «сам Толкин позднее применял слово *fay* к своей Гвиневре в «Гибели Артура», ... где она описывается как “прекрасная, точно фея, по свету ходящая мужам на горе” (*fair as fay-woman in the world walking for the woe of men*)». В этой неоконченной поэме Гвиневра очаровывает и Ланселота, и Мордред, и в Примере 6 мы видим, какой силой она сводила мужчин с ума – делала их лунатиками, если угодно. Она также предстает в трех ипостасях, когда делается отсылка к нарастанию и убыванию ее воздействия на мужчин: она из невесты Артура становится любовницей Ланселота и униженной королевой и, наконец, убегает из замка, чтобы избежать ухаживаний Мордред. Поэма сама по себе строится на мотивах нарастания и убывания (с акцентом на убывании) – на взлете и падении отдельных персонажей, Артуры. Гвиневры и Ланселота, на их взаимоотношениях, а также на подъеме и упадке всего королевства Артура, как видно в Примере 7. Кристофер Толкин объясняет, что истинный смысл слов Мордред, обращенных к Гвиневре, – «Время меняется: / Запад угасает, ветер поднимается / на разгорающемся Востоке. Мир сотрясается» [*Time is changing; the West waning, a wind rising*]

in the waxing East. The world falters] – намек на падение Рима и западного христианства (*Fall of Arthur* 2013, p. 88).

В Примерах 8–10 представлены три фрагмента, в которых используется этот мотив нарастания/убывания. В Примере 8 описывается бегство Гвиневры от Мордредра под покровом ночи, представленное как ее окончательное умаление от королевы земель Артура до простой дочери собственного отца, – и в каком-то смысле возвращение к своим корням – подобное убыванию луны. Но она, в отличие от луны, не возродится из прежнего и умаленного состояния к юности и жизненной силе. Здесь она вспоминает о времени возрастания ее власти, когда она ехала на свою свадьбу с Артуром. Нам следует также отметить в этом фрагменте отсылки ко всем трем ее ролям в поэме – невесты, королевы и любовницы («госпожи») Ланселота.

В Примере 9 описывается зарождение связи Ланселота с Гвиневрой. Упоминание золота и серебра может означать как сами драгоценные металлы, так и солнце с луной. Следует отметить и упоминание колдовского «нежного яда» Гвиневры, а также символику меркнувшего дневного света (что можно понимать не только как тучу, набежавшую на солнце, но и как солнечное затмение, где в функции луны выступает Гвиневра). Подобным образом и в Примере 10 предстает угасание их чувств после того, как Ланселот спасает Гвиневру от костра, к которому она была приговорена – что мы можем назвать символическим полнолунием. Отметим стиль, которым описываются и солнечное затмение (любовь Ланселота к Гвиневре), и горе Гвиневры из-за того, что от любви она лишилась «сияния ее жизни» (*her life's splendor*), и указание, что «изменилась ее сущность» (*from her self altered*) (*Fall of Arthur*, 2013, p. 39). Общими строками легко можно охарактеризовать убывающую луну.

В противоположность «угасающим» Артуру, Ланселоту и Гвиневре, Гавейн живописуется как «разгорающийся». Действительно, Кристофер Толкин стремится подчеркнуть, что Гавейн в поэме несколько раз сравнивается с солнцем. В Примере 11 мы видим, как Толкин изображает резкий контраст между Гавейном и Гвиневрой. В Примере 12 Артур возвращается в свое королевство на утренней заре (когда встает солнце), и во время битвы Гавейн сравнивается с полуденным солнцем, стремящимся к вершине своей мощи, «прежде чем закатиться и померкнуть» (*ere it fall and fail*) (*Fall of Arthur*, 2013, p. 54). Последняя строка особенно интересна, если учесть одно примечание Кристофера Толкина, где о Гавейне говорится: «Но здесь нет отсылок на тот факт, что его сила прибывала к полудню, а затем шла на убыль; между тем это важный элемент рассказа об осаде Бенвика, где Ланселот нанес Гавейну серьезную рану, в то время как мощь того была на исходе» (пер. С. Лихачевой) (*Fall of Arthur*, 2013, p. 66). Здесь он отсылает нас к преданию о нападении Гавейна на Ланселота в Бенвике в отместку за убийство братьев Гавейна – но эта сюжетная линия в версии Толкина отсутствует. Джесси Лэдди Уэстон в своей работе 1898 года «Легенда о сэре Гавейне: Исследование ее первоначального объема и значения» (*The Legend of Sir Gawain: Studies Upon Its Original Scope and Significance*) предполагает, что возрастание и убывание силы Гавейна – подтверждение того, что некогда этот персонаж был солнечным божеством (Cook, 1906). Но, хотя Толкин и исключил эпизод в Бенвике, я рискну утверждать, что, возможно, эту особенность силы Гавейна он сохранил, если внимательно прочитать последнюю строку Примера 12. Эта «возрастающая и убывающая мощь» действительно относится к Артуру и его армии в целом, но также и конкретно к Гавейну. В Примере 13 также сказано, что «слава [Гавейна] разгоралась, когда времена мрачнели» (*glory waxed as times darkened*), что может быть остроумной отсылкой к этому преданию (*Fall of Arthur*, 2013, p. 19).

Наконец, существует, как видится, любопытная перекличка во взаимоотношениях Лорда

с Корриган и Мордреда с Гвиневрой. Мордред, чье «ложе было бесплодно» (*Fall of Arthur*; 2013, р. 27), заявляет Гвиневре (Пример 14), что на ее бесплодном ложе должен возлечь он сам. Когда она отказывается от его предложения, он угрожает взять силой то, чего желает. Сравните это с ухищрениями Лорда, стремящегося оживить бесплодное лоно своей жены, и угрозами Корриган после его отказа. Я полагаю, что Толкин (возможно, бессознательно) в уме как-то связывал между собой два этих произведения, хотя и не отождествлял прямо Гвиневру с феей – и, так как над обоими произведениями он работал в одно и то же время, это, наверно, было неизбежно.

Хотя Толкин так и не окончил «Гибель Артура», вполне уместно, что ее последняя песнь озаглавлена «О закате над Ромерилем», где говорится: «Так выжидал Артур, несомый прибоем... Горе было в Британии, и мир поблек» (*Thus Arthur abode on the ebb riding... There was woe in Britain and the world faded...*). (*Fall of Arthur*; 2013, pp. 55–56). «Гибель Артура», в конечном счете, описывает гибель и короля, и его мира, и, возможно, является одной большой метафорой и для Арды Искаженной, и для павшего мира, в котором мы сейчас пребываем.

Список использованной литературы

Berger, Margaret, trans. (1999) *Hildegard of Bingen: On Natural Philosophy and Medicine*. Cambridge: D.S. Brewer.

Cook, Arthur Bernard (1906) “The European Sky-gods VI. The Celts.” *Folklore* 17. P. 308–348.

Harrison, Jane Ellen (1922) *Prolegomena to the Study of Greek Religion*. Cleveland: Meridian Books.

—. (1962) *Epilogomena to the Study of Greek Religion and Themis*. New Hyde Park: University Books.

Kisor, Yvette (2007) “‘Elves (and Hobbits) Always Refer to the Sun as She’: Some Notes on a Note in Tolkien’s *The Lord of the Rings*.” *Tolkien Studies* 4. P. 212–222.

Mili, Maria (2015) *Religion and Society in Ancient Thessaly*. Oxford: Oxford UP.

Pepper, Elizabeth (2002) *Moon Lore*. Tiverton: The Witches’ Almanac.

Rateliff, John (2010) “Errata: 28 Days.” *Sacnoth’s Scriptorium*, <http://sacnoths.blogspot.com/2010/05/errata-28-days.html>

Rieder, Paula M. (2006) *On the Purification of Women*. New York: Palgrave MacMillan

Spence, Lewis (1990) *Ancient Egyptian Myths and Legends*. Mineola: Dover.

Tolkien, J.R.R. (1984) *The Book of Lost Tales, Part One*, edited by Christopher Tolkien. Boston: Houghton Mifflin.

Tolkien, J.R.R. (1986) *The Shaping of Middle-earth*, edited by Christopher Tolkien. Boston: Houghton Mifflin.

Tolkien, J.R.R. (2000) *The Letters of J.R.R. Tolkien*, edited by Humphrey Carpenter. Boston: Houghton Mifflin.

Tolkien, J.R.R. (2013) *The Fall of Arthur*, edited by Christopher Tolkien. Boston: Houghton Mifflin.

Tolkien, J.R.R. (2016) *The Lay of Aotrou & Itrou*, edited by Verlyn Flieger. London: Harper Collins

Zadoks, Jan C. (2013) *Crop Protection in Medieval Agriculture*. Leiden: Sidestone.

Приложение

Курсивом выделены ключевые или важные фразы

Пример 1 [Грехопадение Лорда]

...но жребий лорда выпал темным,
как говорит арфист о том нам...

Терзали ум его сомненья,
о смерти видел он виденья,
в которых чудилось ему,
что зажил враг в его дому,
а склеп фамильный без ухода,
крапивою зарос у входа.
И лорд в смутившемся уме
от света обратился к тьме.

(здесь и далее – пер. С. Степанова)

there dwelt, till dark his doom befell,
as still the Briton harpers tell....
Thus pondering oft *at night* awake
his *darkened mind* would visions make
of lonely age and death; his tomb
unkept, while strangers in his room
with other names and other shields
were masters of his halls and fields;
Thus counsel cold he took at last;
his hope from light to darkness passed.
(A&I, строки 11–12; 19–26, pp. 3–4)

Пример 2 [Въезд в лес]

Упало солнце за холмы,
день умер на пороге тьмы,
белел туман, и тенью мгла
в долине сумрачной легла;
мигали звездные лучи,
копытом конь стучал в ночи,
лорд спешил вблизи пещеры —
черна дыра, и тени серы...

The sun was fallen low and red,
behind the hills *the day was dead*,
and in the valley formless lay
the misty shadows long and grey.
Alone between the dark and light
there rode into the *mouth of night*
the Briton Lord, and creeping fear
about him closed...
(A&I, p. 5, строки 47–54)

Пример 3 [Обращение к Корриган]

...и лорду вынесла фиал,
что и во тьме, как лед, сиял.
Дивился глаз *тому сиянью*,
что источал он каждой гранью:
искрилось зелье сквозь стекло —
оно, казалось, натекло
из горного ключа туда,
и с виду — чистая вода...

In his hand she laid
a phial of glass so fairly made
‘twas wonder in that houseless place
to see its *cold and gleaming* grace;
and therewithin a philter lay
as *pale as water thin and grey...*
(A&I, p. 5, строки 69–74)

Пример 4 [Лорд возвращается домой]

Проснулся лорд и встретил день;
хоть на сердце лежала тень –
подавлен бременем тяжелым,
казаться он хотел веселым...

Arising then to greet the sun,
and day with a new thought begun,
that lord in guise of joy was clad,
and masked his mind in manner glad...
(A&I, p. 7, строки 111–114)

Пример 5 [Лорд возвращается в лес]

Клонилось солнце. Тишина
кругом стояла, как стена.
И лань исчезла в темной чаще.
Мрачны деревья и молчащи,
корявы корни, слепы очи
в лесу глухом в преддверьи ночи.
...водою лорд лицо омыл
и фею увидал – она,
прекрасна ликом и юна,
в накидке серебристо-серой
сидела пред своей пещерой;
была рука ее бела –
она манила и звала.
Чесала гребнем золотым
та фея волосы пред ним –
и локоны ее, длинные,
при свете ледяном луны
спадали: так же из ключа
сбегают сонмы струй журча.

The sun was falling. In the dell
deep in the forest silence fell.
No sight nor slot of doe he found
but roots of trees upon the ground,
and trees like shadows waiting stood
for night to come upon the wood.
The sun was lost, all green was grey....
He saw her then, on silver chair
before her cavern, pale her hair,
slow was her smile, and white her hand
beckoning in Broceliande.
The moonlight falling clear and cold
her long hair lit; through comb of gold
she drew each lock, and down it fell
like the fountain falling in the dell.
(A&I, lines 277-83; 289-96, p. 13)

Пример 6 [Ранняя версия размышлений Мордреда о Гвиневре]

Гуэнавэру гордую, гладкоруюкую,
что мужей столь многих ума лишила,
желал он жадно, жадной измучен.
[вскоре переписано]
Желал он жадно, жадной измучен, Гвэнавэру
гордую, чьи гладкие руки
мужей столь многих с ума сводили, прекрасную,
пагубную, переменчиво-стойкую,
суровую, хрупкую.

To Guenaver the golden, with gleaming limbs
that minds of men with madness filled,
his thought was turned, thirst-tormented....
[quickly rewritten]
His thought was turned, thirst-tormented,
to Gwenaver the golden, whose gleaming limbs
the minds of men with madness filled,
so fair and fell, frail and stony,
true and faithless.
(FoA, p. 214, ранние версии)

(Здесь и далее – пер. С. Лихачевой)

Пример 7 [*мысли Артура после того, как Ланселот возвращает ему Гвиневру*]

...дом его, мнилось, –	and his house him seemed,
Хотя <i>пагубно прекрасная</i> прелестнейшая из дам	though fairest woman in her <i>fell beauty</i>
Под <i>красным златым</i> вновь королевою стала, –	in the <i>golden courts</i> was queen again,
<i>Оскудел</i> днесь светом, обеднел радостью.	now <i>less in gladness</i> , and its <i>light minished</i> .

(*FoA*, p. 192, *промежуточный вариант*)

Пример 8 [*Гвиневра убегает от Мордреда*]

Ночь настала. <i>Нагая луна,</i>	Night came slowly. The <i>naked moon</i>
Скользнув стремглав из свивальников облачных,	slipped sudden forth from swathing clouds
Грозой изодранных, в заводи звездной	torn by tempest, in a tarn of stars
Плыла покойно...	swam serenely....
Так спасалась она,	
Гвиневра гордая, <i>сквозь густой мрак</i>	So fled she now,
В <i>сукне сером</i> сокрывшись из замка.	Guinever the fair in <i>grey mantled</i> ,
Приспешники преданные помогли бегству,	<i>cloaked in darkness</i> , from the courts stealing.
Слуги из свиты, ее спутники <i>встарь</i> ,	Few faithful men her flight aided,
<i>Когда от Леодегранса она в Логрию ехала</i>	folk that followed her in <i>former days</i> ,
<i>Нареченной невестою, нарядная, в золоте</i>	<i>when from Leodegrance to Logres rode</i>
<i>Утренней славы Артуровой мощи.</i>	<i>bride to bridegroom brave and golden</i>
Ныне к землям забытым, к заброшенным башням,	<i>in mighty Arthur's morning glory.</i>
Где Леодегранс много лет назад	Now to lonely Leodegrance once long ago
За Круглым Столом по-королевски трапезовал,	at the Round Table regal feasted,
Поспешала к прибежищу, к пристани стылой,	she hastened home to harbour cold,
К ненадежному дому. Думала о Ланселоте	hiding uncertain. In her heart <i>darkly</i>
<i>Мрачные мысли:</i> вдруг за морем прослышит он	she thought of Lancelot, should he learn afar
О скитаньях ее и скорби, и свирепом волке.	of her woe and wandering by wolf hunted.
Коли сгинет король и слетятся вороны,	If the king were conquered, and the crows feasted,
На призыв придет ли паладин королевин,	would be come at her call, queen and lady
На подмогу прискачет ли?	riding to rescue?

(*FoA*, pp. 33–34, Песнь II, строки 178–181, 193–210)

Пример 9 [Гвинева заманивает Ланселота в свои сети]

Но дымное золото
 И серебро стылое она сердцем алчным
 Почитала прекрасней, в пальцах сжимая;
 Милей мнила то, что во *мраке сокровищниц*
 Для себя сберегала. Страстно любила
 Непреклонной любовью Леди безжалостная,
Чьи пагубны помыслы, прекрасна – как фея,
 Мужам на муку в мир пришла она,
 Судьбою сподвигнута. Сочла его краше
Серебра и злата, что сжимала в горсти.
Златом серебряным, как на заре – солнце,
 Рдела улыбка, рыдания внезапные
 Смягчались слезами, *сладостный яд,*
 Сталь стойкая. Не сдержали клятв они.
 Мрачный Мордред молча следил их,
 Затаив злобу и завистью мучась.
 Так зло зародилось, застлала тень
 Чертоги Артуровы, как *черная туча*
Свет солнца скрывает, сгущаясь медленно.

But cold silver
 or glowing gold greedy-hearted
 in her fingers taken fairer thought she,
 more lovely deeming what she alone treasured
darkly hoarded. Dear she loved him
 with love unyielding, lady ruthless,
 fair as *gay-woman and fell-minded*
 in the world walking for the woe of men.
 Fate sent her forth. Fair she deemed him
beyond gold and silver to her grasp lying.
Silver and golden, as the sun at morning
 her smile dazzled, and her sudden weeping
 with tears softened, *tender poison,*
 steel well-tempered. Strong oaths they broke.
 Mordred in secret mirthless watched them
 betwixt hate and envy, hope and torment.
 Thus was bred the evil, and the *black shadow*
 o'er the courts of Arthur as a *cloud growing*
dimmed the daylight darkling slowly.
 (FoA, p. 37–38, Песнь III, строки 49–67)

Пример 10 [Конец романа Ланселота и Гвиневы]

Но участь изгнанницы угодна ей мало,
 За любовь лишения не любо терпеть ей.
 Простились в печали. Презрительным словом
 Бередя боль его, безжалостно мучая,
 Терзалась тоской она, без толку алкая;
Сияние солнца сокрыла буря
В черный час. Чужой она мнилась,
Переменившись.

but little liked her lonely exile,
 or for love to lose her life's splendour.
 In sorrow they parted. With searing words
 his wound she probed his will searching.
 Grief bewrayed her and greed thwarted;
the shining sun was sudden shaded
in storm of darkness. Strange he deemed her
from her self altered.
 (FoA, p. 39, Песнь III, строки 100–107)

Пример 11

Ныне слава Гавейна в сиянии злата,
 Как закат, что заревом зажигает мир,
 За оком океана опускаясь в багрянце,
 Пред Артуром пылала, и померкнул Восток.

Now Gawain's glory, golden riding
 as the westering sun that the world kindles
 ere he red sinketh by the rim of the ocean,
 before Arthur blazed, while the East darkened.

В сумраке сером сокрывшись, Гвиневра
 Ревниво следила, как рушится мир,
 Сердцем суровела, как счастье таяло,
 В потаенных помыслах просчитала опасность;
 Мечты миновали – а ведь мнила недавно
 Лепить рок людской, как любо душе ее.

Guinever hiding in the grey shadow
 watched and waited, while the world faltered;
 grimhearted grown as gladness waned
 danger weighed she in her dark counsel,
 her hope in havoc, in her mind's thinking
 men's fate to mould to her mind's purpose.
 (FoA, p. 42, Песнь III, строки 177–186)

Пример 12 [Артур возвращается в свое королевство на рассвете]

Так Артур явился ясным утром,
 Возвращаясь вновь во владенья утраченные...
 Паруса побелели: поднялось солнце.
 Вдали над водой вдруг зазвучали
 Тихо трубы. Твердыней воздвигшись,
 Рядом с Артуром рвался вперед
 Могучий корабль в мерцающем зареве –
 Бела обшивка, борта раззолочены,
 На ветрилах вышито встающее солнце;
 На браном стяге, что струился по ветру, –
 Грифон грозный, горящий золотом.
 Так приспел Гавейн на помощь к Артуру...
 Так прибыл Артур в пределы отчие,
 Проложил путь чрез пучину мечом,
 За Гавейном следуя. Его слава пылала
 Звездой полдневной, знаменьем грозным,
 Восходя все выше, возгоралась над миром
 В преддверье паденья...

Thus came Arthur at early morn
 at last returning to his lost kingdom...
 The sun mounted and the sails whitened.
 Far over the sea faintly sounding
 trumpets heard they. Towering upward
 from Arthur's side eager hastened
 a mighty ship in the morn gleaming
 high, white-timbered, with hull gilded;
 on its sail was sewn a sun rising,
 on its broidered banner in the breeze floated
 a fiery griffon golden flaming.
 Thus came Gawain his king guarding...
 Thus came Arthur to his own kingdom
 and the sea's passage with the sword conquered,
 Gawain leading. Now his glory shone
 as the star of noon stern and cloudless
 o'er the heads of men to its height climbing
 ere it fall and fail...
 (FoA, p. 50–51, 54, Песнь IV, строки 124–125,
 136–145, 221–226)

Пример 13

Гавейн всех грознее, горд и бесстрашен:
 Сгущался сумрак – но слава росла его.
 Первым средь паладинов представал не раз он:
 Оплот и опора обреченного мира.

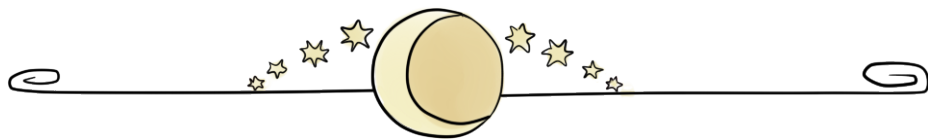
Greatest was Gawain, whose glory waxed
 as times darkened, true and dauntless,
 among knights peerless ever anew proven,
 defence and fortress of a falling world.
 (FoA, p. 19, Песнь I, строки 52–55)

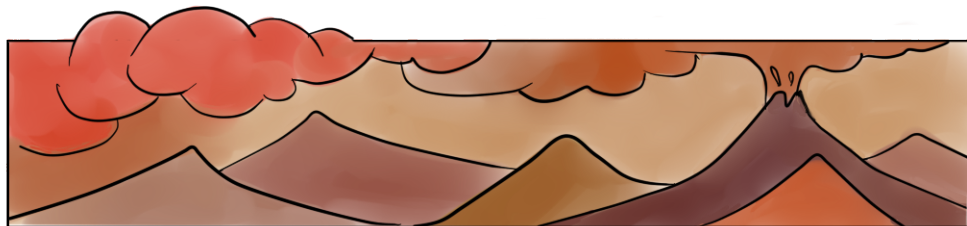
Пример 14 [Мордред обращается к Гвиневере]

Ло! Леди Британии! Без любви и веселья
 Долги дни доли безмужней,
 Короля королеве нет; в крепости стихло
 Веселье воинское. Но не век тебе
 Чахнуть в отчаянии *часами постылыми*
 Без любви и ласки. Лестный удел ли
 Для могучей монархини, чья меркнет слава?
 Коли выберешь верно – вернется счастье...

Вовек не воротится с войн северных
 Обратю Артур в островную вотчину,
 Ланселот Озерный о любви и не вспомнит,
 Не вернется к верности! *Время меняется;*
Запад затмился – задул ветер
Над восставшим Востоком. И вздрогнул мир...
Со мной на ложе возляжешь, любовницей,
госпожой ли,
Сутругой или служанкой, силком ли, добром ли.
 Свой приз получу я, прежде чем падут башни
 И престолы повергнутся; прежде насыщусь.

Hail! Lady of Britain! It is long sitting
 alone lordless in loveless days,
 a kingless queen in courts that echo
 to no noise of knighthood. Yet never shalt thou
 on earth hereafter *thine hours barren*
 and life find loveless. Nor less than queen
 with *dimmed glory* thy days revile
 though chances change – if thou choose aright...
 Now never again from northern wars
 shall Arthur enter this island realm,
 nor Lancelot du Lake love remembering
 to thy tryst return! Time is changing;
 the *West waning*, a wind rising
 in *the waxing east. The world falters....*
Thou at my side shall lie, slave or lady,
as thou wilt or wilt not, wife or captive.
 This reassure take I, ere towers crumble,
 and thrones are o’returned, thirst first will I slake.
 (FoA, pp. 31–32, Песнь II, строки 125–132;
 144–149; 154–156)

Дарий Ерастов

Огненная сущность темных культов Первой эпохи

Говорится среди эльдар, будто люди пришли в мир в те времена, когда над землей простиралась Тень Моргота, и быстро подпали под его власть, ибо Враг выслал к ним своих лазутчиков, и люди вняли злобным и коварным речам и стали поклоняться Тьме, хотя не внушала им Тьма ничего, кроме страха (Толкин, 2015, с. 221).

Именно в таком ключе в «Сильмариллионе» впервые упоминаются темные культы. Большинство информации, известной нам о культах Первой эпохи, содержится в «Легенде Аданель» из «Атрабет Финрод ах Андрет». Поскольку я предполагаю, что большинство толкинистов хорошо знают первоисточник, мне показалось интересным рассмотреть эту ситуацию более глубоко и, возможно, с непривычной точки зрения.

Поскольку я предполагаю, что большинство толкинистов хорошо знают первоисточник, мне показалось интересным рассмотреть эту ситуацию более глубоко и, возможно, с непривычной точки зрения, а именно – попытаться представить подобие среза «мифологического сознания» людей Первой эпохи и сосредоточиться в плоскости их образа мыслей и психологии восприятия.

На мой взгляд, это наилучшим образом, не вызывая ненужной полемики и терминологических споров, может осветить вопрос, что заставляло людей служить тому, кто вызывал у них страх, и почему далеко не все решились на «бегство от Тьмы» или сочли его правильным. Чтобы вникнуть в эту проблему, ответ на которую, казалось бы, лежит на поверхности, стоит проанализировать не столько формальное соответствие «культа Мелькора» различным верованиям и религиям, сколько попробовать проникнуть в человеческое мышление, которое сочло бы такое положение вещей удобным или приемлемым, не наделяя эти объяснения осуждением.

Моим главным помощником в этом подходе выступила книга «Психоанализ огня» Гастона Башляра, французского философа и искусствоведа середины XX века. Бояться слова

«психоанализ» не стоит, поскольку в данном вопросе вряд ли можно подобрать более емкое слово для попытки вникнуть в иррациональное с виду поведение людей. Поскольку «как раз такой психоанализ позволяет уловить неразрывность связи между мышлением и фантазией и показывает, что в этом союзе мысли и грез всегда именно мысль искажается и терпит поражение» (Башляр, 1993, с. 93).

Согласно «Сильмариллиону», люди пробудились в первый год солнца (*at the first rising of the Sun*). Очевидно, что без Мелькора они существовали около 60 лет – поскольку он покидает Ангбанд в год, когда Тангородрим еще не взят в кольцо осады, но война уже началась. Поскольку пробуждение людей «показалось то ему событием столь великой важности, что Моргот сам, тайно, под покровом тьмы покинул Ангбанд и отправился в Средиземье, доверив Саурону ведение войны» (Толкин, 2015, с. 122).

За столь долгий срок люди почти наверняка освоили базовые навыки выживания – у них были некие жилища (в «Легенде Аданель» Мелькор в разговоре с людьми использует слово *dwellings*), и я практически уверен, что в этих жилищах уже был огонь. Но «человеческий разум начинается не так, как урок физики. Падающий с дерева плод и текущий ручей не представляют для наивного разума никакой загадки» (Башляр, 1993, с. 91), в то время как огонь должен был содержать нечто опасное и необъяснимое для разума человека, едва познавшего мир. Пламя становится преобразующей стихией:

...то, что лизнул огонь, приобретает новый вкус на губах человека. То, что опалил огонь, навсегда сохраняет полученную окраску. То, что огонь ласкал, любил, обожал, обрело воспоминания и утратило невинность (Башляр, 1993, с. 91).

Несмотря на явную чувственность этих строк, сформулированных в книге Г. Башляра, это легко переносится на очевидные для любого человека знания: огонь оставляет пятна, подпалины – то, чего он коснулся непосредственно, изменяется необратимо и больше не выглядит «чистым», либо полностью переходит в иное качество. Это касается и пищи, и сгоревшего дома, от которого остается только пепел – огонь может как обогреть и накормить, так и разрушить. Легко смыть след этого прикосновения невозможно – это необходимо соскабливать и выводить, но то самое «воспоминание» вещи, некая отметина – обязательно останется.

Параллели, на первый взгляд, неочевидны. Но когда мы читаем в «Преображенных мифах» о Мелькоре, то встречаем следующее: «Его первой страстью (и оружием) были огонь и жар (*His first desire (and weapon) had been fire and heat*)» (http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/mt.shtml).

Упоминания об огненной сущности Мелькора встречаются даже в «Падении Гондолина» – маленький Эарендил в слезах, когда просыпается от нападения на город, первым делом вспоминает страшные сказки «об огненном Мэлько, что пестунья Мэлэт рассказывала ему, когда он не слушался» (*his nurse Meleth had woven him concerning fiery Melko at times of his*

waywardness) (Толкин, 2002, с. 180).

Еще одно любопытное совпадение встречается и в другом месте. В донаучном мире

алхимики признают ценность золота именно в том, что оно является средоточием элементарного огня: «Квинтэссенция золота – чистейший огонь» (Башляр, 1993, с. 112).

И почти зеркальное упоминание мы видим в «Преображенных мифах»: «Мощь Моргота рассеяна в Золоте, где бы оно ни находилось (это был элемент Моргота в Материи)» (http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/mt.shtml).

Имея на руках эти, казалось бы, очевидные упоминания, мы имеем возможность заглянуть глубже. Следующая параллель, которую хотелось бы привести, лежит в общении Эру с людьми.

В ту пору мы часто взывали к Голосу, и он отвечал нам. Только он редко отвечал на наши вопросы, но говорил лишь: «Сначала попробуйте найти ответ сами. Ибо в том обретете вы радость, и станете старше, и исполнитесь мудрости. Но не спешите повзрослеть до срока» (http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml).

У Г. Башляра встречается такой фрагмент:

Огонь причиняет боль – и для этого ему не обязательно обжигать. В каком бы обличье ни выступал огонь: будь то пламя или жар, лампа или печь, – родители никогда не теряют бдительности. Итак, огонь изначально подлежит всеобщему запрету; отсюда вывод: социальный запрет – это наше первое всеобщее знание об огне. Раньше всего мы узнаем об огне то, что его нельзя трогать (Башляр, 1993, с. 25).

Казалось бы, одно с другим не связано – ведь Эру, создавая независимо мыслящие сущности, вряд ли мог позволить себе прямые запреты с первых лет жизни людей. Но учитывая, что все его предостережения должны были восприниматься с исключительным вниманием – выходит, раньше всего люди узнают о Мелькоре, даже не зная его лица и имени, что им стоит остерегаться знания, полученного без труда, миновав болезненную стадию выработки собственного опыта. И в этом Единый – как и родители – не терял бдительности, как бы передавая своим детям совет «не играть со спичками».

Но именно это становится первым шагом к падению, удержаться от которого становится почти невозможно – ведь «огонь доказывает свою человечность именно таким образом: он всегда дарит нам некое роскошное наслаждение, вроде десерта» (Башляр, 1993, с. 31).

Роскошью для людей в условиях их жизни становится знание и желание поскорее обрести все, что нужно – и пусть Мелькор «не спешил рассказать нам, как отыскать или сделать все то, чего нам хотелось, а лишь распалал желаньями наши сердца», он все равно демонстрирует обманчивую щедрость: «Однако если кто сомневался в нем или являл нетерпение, он сразу же мог принести и подарить все, что угодно» (http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml).

И именно здесь начинается зарождаться фундамент поклонения – если Саурон «все же поначалу учитывал и благополучие (экономическое) других обитателей Земли» (Толкин, 2004, письмо 183), то Мелькор в данном случае работает с куда более тонкой материей, сродни грезе или фантазии. Г. Башляр выделяет в своей книге особый род такой грезы – «мечтание у очага», знакомое любому человеку, сидевшему у камина или костра – «прирученный» огонь приглашает нас к отдыху и размышлению, почти медиативному состоянию, когда каждый может подумать «о своем» и отрешиться от мира вокруг, погрузившись в тишину и собственные мысли.

И в присутствии как будто бы «прирученного» и «живого огня» в лице одного из Валар люди словно оказываются во власти этой грезы.

Так он пленил нас, и мы почитали его, и жили во власти его даров, а прошлая жизнь казалась теперь нам такой бедной и трудной, что мы страшились вернуться к ней. И мы верили всему, чему он учил, потому что хотели побольше узнать о путях мира: о зверях и птицах, деревьях и травах, что растут на Земле; и о том, как мы сами пришли в мир; и о небесных светочах, и бесчисленных звездах, и о той Тьме, что окружает их (http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml).

Но вместе с грезой о знаниях и необъятности мира приходят и другие чувства.

Огню не свойственно абстрактное однообразие водного потока; он растет и меняется быстрее, чем птенец в гнезде среди кустов, за которым наблюдаешь изо дня в день, – и потому он вызывает жажду перемен, желание ускорить время, подвести всю жизнь к завершению, к пределу потустороннего. Такая мечта, поистине захватывающе-драматичная, расширяет горизонты человеческой судьбы, связывает малое с великим, очаг с вулканом, существование куска дерева с бытием целого мира. Зачарованный человек слышит зов огня. В разрушении ему видится нечто большее, чем просто изменение, – обновление (Башляр, 1993, с. 32).

И вслед за этим возникают первые ростки слепого поклонения и первые же следы нарушения совета Эру: вместо того, чтобы поблагодарить воздающего знания и пойти своей дорогой, чтобы обрести опыт через ошибки и проверку обретенного знания, человек стремится к знанию более легкому, поданному в готовом виде. И в этой надежде перед ним из советчика уже

появляется «божество охраняющее и устрашающее, щедрое и свирепое. Огонь противоречив, и потому это одно из универсальных начал объяснения мира» (Башляр, 1993, с. 20).

И первое, что поднимает Мелькора в глазах людей до бога, который говорит с ними и снисходит до них – звучит именно так.

Я пришел из Тьмы, но я Ей хозяин. Ибо я создал Свет. Я создал Солнце и Луну и бесчисленные звезды. Мне дано защитить вас от Тьмы, а иначе Она может погубить вас (http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml).

При подобной точке зрения выбранная Мелькором «легенда» перестает выглядеть личной прихотью или просто случайностью. Даже его капризная требовательность к мыслям других может обрести для человека, уверовавшего в присутствие огромной силы, защищающей его, огромный смысл, сопоставимый с пониманием природы стихии. Но об этом чуть дальше.

Он долго не появлялся, и мы были несчастны, не получая его даров. А потом настал день, когда свет Солнца вдруг начал меркнуть и погас вовсе, и глубокая тень пала на мир; и всех птиц и зверей объял страх. Тогда он вернулся, шествуя в сумраке, точно яркое пламя (http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml).

Это важный момент – люди в ужасе перед павшей на землю тенью, и Мелькор при возвращении к ним будто бы тщательно разыгрывает выдуманный им самим миф, что весь свет, что есть в мире – лишь отражение его огня. Это появление, роскошное и драматическое, вероятно, должно было заставить поверить даже самых больших скептиков в то, что они имеют дело с живым воплощением начала мира, которое дает не только разрушения, но и тепло, и пищу, и лекарства, а потому будет их охранять и беречь, если выказывать ему должное почтение.

В этом контексте не возникает вопросов, какой из обликов Мелькора – «человеческий» ли, или «огненный» – является подлинным в тот момент его существования. Безусловно, «человеческий», поскольку яркое пламя, окружающее его, больше всего похоже на то, что Толкин называл «гоэтическим эффектом», но если у эльфов подобное носило «исключительно художественный характер» и «на обман не направлено» (Толкин, 2004, письмо 155), то в данном случае Мелькор использует гоэтею с той самой целью, о которой упоминалось в письмах – «чтобы запугивать и подчинять» (там же).

Также важно, что подобное поведение не обязательно могло быть разыграно Мелькором сознательно: с тем же успехом речь могла идти об обмане, основанном на филигранном чутье.

В любых обстоятельствах огонь обнаруживает свою злонамеренность: его трудно зажечь и так же трудно погасить. Субстанция капризна; значит, огонь – личность (Башляр, 1993, с. 101).

Своим внезапным исчезновением и появлением Мелькор как будто только подтверждает в сознании людей этот принцип – и укрепляет его своей последующей прихотью.

Теперь возведите Мне дом на холме и именуйте его Домом Господа; Я буду являться там, когда пожелаю, а вы станете в том Доме взывать ко Мне и возносить Мне молитвы (http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml).

Абсолютно прямую связку между данными фрагментами образует сам же Мелькор – поскольку ставит людей в положение, когда любой исход зависит лишь от его настроения. В этом его поведение не меняется и продолжает оставаться таким же непостоянным, жестоким и свирепым:

он предстал перед нами, словно огромный дымный огненный столп, чей жар опалил нас, и – канул; и воцарилась тьма, чернее, чем ночь, [...] и после всегда преследовал нас ужас Тьмы (http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml).

Но интересно, что при этом люди не прекращали умолять о помощи и не прекращали надеяться, что Мелькор проявит благосклонность – ведь дары не закончились совсем, а попросту «даров [он] приносил мало» (*he brought few gifts*).

Но мы слышали его голос и внимали его повелениям, если в отчаянии просили о помощи, осмелившись войти в Дом. Ибо теперь, прежде, чем выслушать наши мольбы, он приказывал нам исполнять его волю или требовал жертвы; и раз от разу ужаснее становились его повеления, а угодные ему жертвы – все тяжелее (http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml).

Помимо извращенно-азартной надежды, которую порождает вера в некое «чудо», не имеющее логической закономерности, возникает и самый интересный момент мышления человека, оказавшегося в таком обществе.

Такое «божество», как Мелькор, может быть почти сколь угодно жестоко, но для человека с мифологическим мышлением это будет абсолютно логично. С каждым разом он будто укрепляется в вере, что имеет дело с живым пламенем – ведь и огонь может либо разгореться, либо нет, а может и вовсе полыхнуть, перекинуться искрой на сухой материал и устроить пожар в доме. Каждый ответ мог восприниматься как чудо, каждый дар после ужаса и жестокости вызывать эйфорию. И подтверждать, что огонь нужно «задабривать», ежедневно находя отражение в собственном очаге: без «подкормки» пламя угаснет. Это своего рода обмен, необходимый, даже если недобровольный.

Принцип: все, что горит, должно получать *pabulum ignis* [пищу огня] – это действительно закон для донаучного мышления. Так, в космологии Средневековья и донаучной эпохи идея питания светил является чем-то вполне общепринятым (Башляр, 1993, с. 103).

Наше кольцо размышлений может замкнуться именно здесь. Мелькор солгал людям, будто является хозяином Тьмы (той самой, с большой буквы) и создателем всех небесных светил. С его уходом на землю пала темнота.

С учетом всего вышесказанного, может напрашиваться вывод, что люди Хильдориэна вполне могли верить, что если они перестанут приносить ужасные жертвы, которых от них требовали – Мелькор не только перестанет давать те скудные дары, что, вероятно, помогали им выжить в отдельных случаях, но при этом разгневется и погасит и солнце, и луну, и звезды – ведь они верят, что их создал именно он.

Нет ничего удивительного в том, что в подобных условиях появились люди, которые стремились ему угодить – пусть в легенде они и описываются как «самые сильные и самые жестокие (*the strongest and cruellest*)», потому что такая вера требовала и силы, и жестокости, учитывая требуемые Мелькором жертвы.

Друзья его, наши хозяева, повелевали, чтобы всякого, кого схватят, приводили в Дом, – и там бросали в огонь. И друзья его говорили: поистине, это весьма угодно ему; и в то время нам показалось, что дни наши и правда стали не так горьки (http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml).

Несмотря на всю дикость и жестокость происходящего, которую легко осознает современный человек – для людей Хильдориэна было сложно сопротивляться подобному, поскольку такой порядок, даже продиктованный страхом, все еще не противоречил их пониманию сути вещей и того, что можно назвать «механикой функционирования стихии».

Если питаться для огня – естественно, а Мелькор – пламя, породившее все светила, можно сделать вывод, что его требование себе жертв могло восприниматься не как убийство, а как ужасающий, но все же переход жертвы в иное качество и естественную составляющую жизни первобытной силы, которая должна питаться, чтобы гореть и продолжать светить. Сам выбор не случаен: даже в нашем сознании очень прочно укрепились метафора об «огне души» – самом сильном и самом ценном, который можно отдать. Божеству не подойдет обычное топливо, на котором варят суп или обогревают жилища.

Для человека, который не знал ничего другого, жизнь без жертвы «огню» для защиты будет лишь призрачной надеждой, воспринимаемой как сказка, что огонь может гореть и согревать без дров.

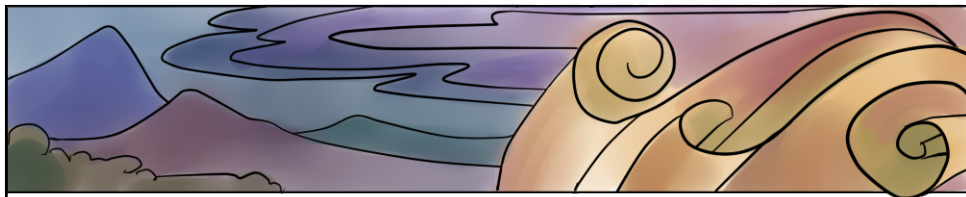
Возможно, этим объясняется именно то, что даже впоследствии, в Войну Гнева, «большая часть людей – будь то из народа Улдора или из числа других, недавно явившихся с востока, – примкнули к Врагу» (Толкин, 2015, с. 216).

На мой взгляд, это может свидетельствовать лишь о том, насколько укоренилось у большинства людей представление о «естественности» поклонения того рода, о котором шла речь в «Легенде Аданель». А, кроме того, отражать, до какой степени распространилось среди людей «мифологическое» восприятие мира, которое я постарался описать.

Литература

1. Толкин Дж.Р.Р. Сильмариллион / Пер. С. Лихачевой. М.: АСТ, 2015.
2. Tolkien J.R.R. Athrabet Finrod ah Andreth // *The History of Middle-Earth: Volume X – Morgoth's Ring*. Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Атрабет Финрод ах Андрэт (Речи Финрода и Андрэт / Пер. А. Хромовой, ред. К. Кинн [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml
3. Башляр Г. Психоанализ огня / Пер. с франц. Н. Кисловой. М.: Прогресс, 1993.
4. Tolkien J.R.R. Myths Transformed // *The History of Middle-Earth: Volume X – Morgoth's Ring*. Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. Преображенные мифы / Пер. А. Кутузова [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/mt.shtml
5. Tolkien J.R.R. *The History of Middle-Earth: Volume 2 – The Book of Lost Tales: Part II*. Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. История Средиземья. Том II. Книга утраченных сказаний. Часть II. / Под ред. К. Р. Толкина / Пер. с англ. ТТТ, 2002.
6. Толкин Дж.Р.Р. Письма / Пер. С. Лихачевой под ред. А. Хромовой и С. Таскаевой. М.: ЭКСМО, 2004.

Дж.Р.Р. Толкин

Отчет Лаудхема об адунайском языке

Перевод Александра Базарова (Naugperedhel),
Надежды Калиниченко
(редакция Константина Пирожкова)

Текст приводится по изданию: Tolkien, J.R.R. *Sauron Defeated*
(*The History of Middle-earth*, v. IX, edited by Christopher Tolkien).
Boston, New York: Houghton Mifflin, 1992, p. 413–440.

[*стр. 413*; здесь и далее приводится нумерация страниц оригинала – Прим. пер.]

Это – выполненный отцом машинописный текст. Он кончается на семнадцатой странице, где отец забросил его (нет причин полагать, что последующие страницы существовали, но были утеряны). Из разнообразных имен и их форм, таких как *Nimūr*, *Azrubēl*, *Adūnāim*, *Minul-Tārik*, *Amathāni* (см. стр. 388, §§ 5, 8, 13, 20, 23), ясно видно, что он относится к тому же периоду, что и окончательные варианты текстов «Потопления Анадунэ» (DA III, DA IV).

При печати «Отчета Лаудхема» я очень внимательно воспроизводил текст отца, сохраняя его использование заглавных букв, курсива, отметок долготы звуков и т.д., несмотря на некоторую непоследовательность, исключая те места, где правка была очевидна и необходима. Единственный пункт, в котором я изменил его представление текста – вид примечаний. Их отец просто разбросал в тексте (что стало его обычной практикой в эссе подобного рода), когда составлял его, но так как некоторые из них очень важны, и я решил, что будет лучше собрать их вместе в конце. Ни одно примечание от себя лично мной добавлено не было.

Можно заметить, что «мы» во введении Лаудхема относится к нему самому и к Джереми, см. Примечание №2 и №6 на стр. 432–433.

Адунайский язык

Трудно, конечно, сказать что-либо о предыстории языка, который, по моим сведениям, не имеет близких связей ни с каким другим языком. Другой современный адунайскому язык, что проник, вместе с адунайским, в моё раннее «услышанное», и который я назвал аваллонийским, кажется, является [*стр. 414*] отдельным, самостоятельным и не связанным, по

крайней мере, не «родственным» адунайскому. Но я считаю, что первоначально или намного ранее этих записей, аваллонийский и адунайский были определенным образом связаны. Фактически, сейчас очевидно, что аваллонийский - это Нимрийе (Nimriyē) или «нимрийский язык», упоминающийся в очень раннем тексте Изгнанников о Падении, который нам удалось получить. В этом случае это должен быть язык, на котором разговаривали нимир (Nimīr) или его западная форма, и таким образом первичный источник языков людей на Западе Старого мира. Возможно, я мог бы сказать вернее, что мимолетные проблески нимрийского языка, что мы получили, показывают нам язык, несомненно, сам по себе сильно изменившийся, что произошел от пранимрийского языка. Из этого нимрийского на поздней стадии (но всё же предшествующей аваллонийскому), частично произошёл предок адунайского.

Но в таком случае адунайский должен был в течение длительного времени развиваться совершенно независимо. Я также считаю, что это развитие шло под неким другим влиянием. Это влияние я назвал кхазадийским, потому что услышал в нём довольно много отголосков необычного языка, также связанного с тем, что мы зовем Западом Старого Света, и ассоциируемого с названием Кхазад. Теперь это похоже на адунайский по фонетике и, кажется, также кое-где по лексике и структуре, но как раз в тех пунктах, где адунайский наиболее отличается от аваллонийского, он в максимальной степени приближается к кхазадийскому.

Однако, очевидно, что адунайский позднее снова вступил в близкий контакт с аваллонийским, так что там имеется как будто новый слой более поздних общих черт двух языков: в адунайском, например, кое-где смягчились его произносимые более твёрдо звуки, и в нём также видно довольно большое число слов, подобных словам аваллонийского или очень на них похожих. Конечно, в таких случаях не всегда можно определить, имеем мы дело с первичной общностью словаря или поздним заимствованием аваллонийских выражений. Таким образом, я склонен считать, что адунайская основа MINIL «небеса, небо» – первичное слово, родственное аваллонийской основе MENEL и не была заимствована в позднее время; хотя, конечно же, если бы *Menel* было заимствовано подобным образом, оно могло, возможно, принять форму *Minil* [вычеркнуто: «и действительно существующее адунайское существительное *Minal* может быть объяснено изменением *Minil* для приспособления к системе склонений в адунайском» – Здесь и далее, если не оговорено иное, примечания принадлежат К. Толкину]. С другой стороны, кажется очевидным, что адунайское слово *lōmi* «ночь» – заимствование из аваллонийского, как по его значению (оно означает «ясная ночь, звездная ночь» без каких-либо намёков на мрак или страх), так и потому, что оно полностью [сmp. 415] обособлено в адунайском. Соответственно структуре адунайского, как я попытаюсь показать её, *lōmi* зависит от двухсложной [«двухсложный = состоящий из двух согласных звуков, с переменным гласным составом; трехсложный – из трех – Прим. пер.] основы LUM, или, что более вероятно, от трехсложной основы LAW`M, но ни одна из них не присутствует в нашем материале, тогда как аваллонийское *lōme* (корень *lōmi-*) – обычное образование из аваллонийской двухсложной основы LOM.

Я попытаюсь ниже привести очерк структуры и грамматики адунайского языка, насколько полученный нами материал позволяет это сделать. Рассматриваемый язык – это язык примерно периода Падения, то есть более или менее – конца царствования короля Ар-Фаразона.

Большинство записей дошло от этого периода. Имеются лишь редкие намеки на формы более ранних или более поздних периодов (в Изгнании, в языке потомков выживших). Некоторые основные наши тексты, особенно «Потопление», по времени составления текста относятся к периоду Изгнания, что означает, что они должны были быть составлены несколько позже царствования Ар-Фаразона; но язык их фактически тождествен «классическому адунайскому». Это, возможно, обусловлено двумя причинами: их заимствованием из более древнего материала и продолжением использования более старого языка для более возвышенных целей. В действительности, повседневные говоры Изгнанников, кажется, на самом деле сильно изменились и на западном побережье быстро разошлись друг от друга. От этих измененных и разделившихся форм до нас дошли лишь отдельные отголоски, но иногда они помогают в объяснении форм и истории прежнего языка.

Общая структура.

Большинство основ слов адунайского – трёхгласные. Эта структура в чем-то напоминает семитские языки, и в этом пункте адунайский похож на кхазадийский больше, чем на нимрийский. Ведь хотя в нимрийском тоже есть много трехгласных корней (иных, чем производные обычной суффиксации), таких как корень MENEL, указанный выше, в нимрийском они более редки и в основном являются корнями существительных.

Упорядочивание гласных внутри основы, однако, не имеет большого сходства с семитскими языками, адунайский также не выказывает ничего точно соответствующего чередованию гласных в языках, подобных нашему, такого как изменение е/о в языках индоевропейской группы. В адунайской основе есть Характерный Гласный (ХГ [CV – Characteristic Vowel – Прим. пер.]), который участвует вместе с согласными в характеристике или определении основы. Таким образом, KARAB и KIRIB являются различными основами и должны иметь полностью не связанные значения. Этот ХГ, однако, мог видоизменяться [стр. 416] несколькими известными путями (описанными ниже в разделе «Гласные»), что могло производить эффект, не так уж и отличающийся от чередования гласных.

В дополнение к *трехгласным* основам, в адунайском существует большое число *двухгласных* основ. Многие из них, очевидно, древние, хотя некоторые могли быть заимствованы из аваллонийского, где двухгласные корни обычны. Эти древние двухгласные основы, возможно, указывают на то, что более длинные формы являются в действительности более поздним развитием. Некоторые самые распространённые глагольные понятия выражены двухгласными формами, хотя глагольные формы в адунайском обычно трехгласные: так NAKH «прибывать, приходить», BITH «говорить», отличались от SAPHAD «понимать», NIMIR «сиять», KALAB «падать» и т.д. [Примечание 1].

Существует также некоторое количество древних элементов: аффиксов, корней местоимений и числительных, предложных основ и т.д., в которых есть только *один* согласный. Когда, однако, «полное слово», например существительное, имеет одногласную форму, обычно надо предполагать, что древний второй согласный исчез. Таким образом, *ра* «рука», возможно получено из основы PA3.

Согласные

Ниже представлена таблица согласных, которыми адунайский обладал изначально (или на ранней стадии). [Примечание 2]

[а] в обозначениях Толкина: (прим. пер.)]

	(a)	(b)	(c)	(d)
	р-ряд	т-ряд	с-ряд	к-ряд
Взрывные				
1) глухие	P	T	C	K
2) звонкие	B	D	J	G
3) придыхательные	PH	TH	CH	KH
Фрикативные				
1) глухие	–	S	2	H
2) звонкие (слабые):	W	L, R, Z	Y	3, ?
3) звонкие (носовые):	M	N	–	9 [Примечание 3]

[б] по МФА (международному фонетическому алфавиту) – версия переводчиков:]

	(a)	(b)	(c)	(d)
	р-ряд	т-ряд	с-ряд	к-ряд
Взрывные				
1) глухие	p	t	c	k
2) звонкие	b	d	j	g
3) шипящие	p ^h	t ^h	c ^h	k ^h
Фрикативные				
1) глухие	–	s	ç	x
2) звонкие (слабые):	w	l, r, z	j	ɣ, ?
3) звонкие (носовые):	m	n	–	ŋ

Звуки С-ряда: C, J, Ch, 2, изначально были переднеязычными или палатальными (мягкими); то есть грубо говоря, согласные К-ряда произносились с крайне переднеязычной или крайне йотированной артикуляцией; и именно так их можно представить, однако поскольку позднее они развились в простые согласные, была принята вышеприведенная запись этих звуков. [стр. 417] Символ 2 представляет глухой шипящий Y, как в немецком *ich-laut* или, вернее, твёрдый вариант глухого Y, часто слышимый в начале в английских словах, таких как *huge*.

Стоит заметить, что ряд Т – самый богатый и имеет три звонких континуанта. Т-ряд, возможно, наиболее часто употребляется в формировании основ и, безусловно, он – наиболее используемый в местоименных и словообразовательных элементах (особенно тех, что из односложных форм). Р-ряд самый бедный и не имеет глухих шипящих, но очень возможно, что один такой звук существовал в древности – глухой w (подобный английскому *wh*), который превратился в Н в доисторический период.

Н представляет собой глухой заднеязычный шипящий звук, *ch* в валлийском, гэльском и немецком языках (как в [немецком] *acht*), 3 – соответствующий звонкий фрикатив или «открытый» G.

Адунайский использует аффиксацию для словообразования, хотя и более умеренно,

чем аваллонийский, и, в противоположность аваллонийскому, использует префиксацию более часто, чем суффиксацию: последняя иногда используется в образовании корней (где два элемента сливаются), но чаще – в склонениях (где два элемента обычно остаются отдельными). Первоначальные комбинации согласных адунайского, вследствие этого, обусловлены главным образом взаимодействием согласных основы, и преобладающим является образование «континуант + какой-нибудь другой согласный» или наоборот. Это так, потому что преобладающими (но не исключительными) формами трехсогласных адунайских основ являются «X + континуант + X» или «X + X + континуант», где X = любой согласный.

Гораздо чаще, однако, используется другой метод словообразования, удлинение или «удвоение» одного из согласных основы. Удвоенный согласный обычно – или средний, или конечный согласный основы, хотя в определенных формациях может быть удвоен начальный согласный (такое изменение претерпевает лишь один согласный основы в слове).

Подобный удвоению, и в некоторой мере конкурирующий с ним по функциям, метод – инфиксация гоморганического [произведённого теми же артикуляционными органами – прим. пер.] носового согласного к конечному или, реже, к среднему согласному основы: таким образом, B к MB, D к ND, G к NG. Этот метод, конечно, нельзя отличить от удвоения в случае с носовыми согласными. Сомнительно, возникало ли удвоение перед другими континуантами изначально: очевидные случаи – NZ могут быть обусловлены *NJ, которое стало NZ или по аналогии с другими случаями. [Примечание 4]

Адунайский, как и аваллонийский, не допускает более одного [см. 418] простого корневого согласного в начале любого слова (обратите внимание, что Ph, Th, Kh – простые согласные). В отличие от аваллонийского, он допускает большое число комбинаций в середине слова, и там согласные при взаимодействии очень умеренно ассимилируются. Наконец, в «классический» период адунайский не обладал стечениями согласных в конце слова, т.к. аффиксы всегда заканчивались на гласный или одинарный согласный, тогда как основные корни всегда приводились к следующим формам: ATLA, TAL(A), в случае двухсогласной основы, АК(A)LAB(A), (A)KALBA в случае трехсогласной. Но пропуск короткого конечного A (не I, или U) и в разговоре, и в письме, уже был обычным перед окончанием классического периода, вследствие чего большое число комбинаций согласных стали конечными.

Следующий список покажет обычное развитие более древних согласных в позднем адунайском языке. Здесь согласные изложены в том же порядке, что и в прошлой таблице, а не по фонетической классификации.

[а) Таблица изменения звуков в адунайском по обозначениям Толкина: (прим. пер.)]

	(a)	(b)	(c)	(d)
1	P	T	S	K
2	B	D	Z	G
3	Ph	Th	S	Kh
4	–	S	S	H
5	W	L, R, Z	Y	– (G). –.
6	M	N	–	(N) [Примечание 5]

[б) Таблица изменения звуков в адунайском с обозначениями по МФА – версия

переводчиков]

	(a)	(b)	(c)	(d)
1	p	t	s	k
2	b	d	z	g
3	f	θ	s	x
4	—	s	s	h
5	w	l, r, z	j	— (g). —
6	m	n	—	(n) [Примечание 5]

[в) Характеристики звуков по МФА – таблица представляет собой примечание переводчиков:]

Звук	Характеристики	Звук	Характеристики
p	глухой губно-губной взрывной	ɟ	Звонкий пульмонический палатальный взрывной
b	Звонкий губно-губной взрывной	ɡ	звонкий веларный взрывной
p ^h	придыхательный глухой губно-губной взрывной	ç	палатализованный (палатальный) глухой взрывной
w	звонкий лабиовеларный аппроксимант	ç	глухой палатальный спирант
m	губно-губной носовой	j	палатальный аппроксимант
t	глухой альвеолярный взрывной	ɲ	переднеязычный (альвеолярный) носовой
d	звонкий альвеолярный взрывной	ç ^h	придыхательный пульмонический палатальный взрывной
t ^h	придыхательный глухой альвеолярный взрывной	k ^h	глухой придыхательный веларный взрывной
s	глухой альвеолярный сибилант	x	глухой веларный спирант
l	альвеолярный латеральный аппроксимант	y	звонкий веларный спирант
r	альвеолярная трель (звонкий альвеолярный дрожащий)	ŋ	веларный носовой
z	звонкий альвеолярный фрикатив (спирант, сибилант)	θ	глухой зубной щелевой (спирант)
ʔ	гортанная смычка	k	глухой веларный взрывной
f	глухой губно-зубной спирант		

Можно отметить, что согласные не претерпели особо значимых изменений, исключая ряд С, в котором согласные стали зубными (кроме Y, что остался неизменным). С развитием С, Ch, 2 к S может быть сопоставлено развитие латинского переднеязычного C в части ареала романских языков и развитие индоевропейского K в S в славянских языках. Подобно этому развитие J (переднего G) в Z может быть сопоставлено с изменением индоевропейского переднего G и Gh в Z в иранских и славянских языках. Предположение о первичном С-ряде частично основано на фрагментарных внутренних свидетельствах (таких, как наличие инфиксации в NZ, тогда как инфиксация носовых не встречается перед исконными согласными), частично на ранних формах, особенно на некоторых обрывках ранних записей [Примечание б], которые показывают две разные буквы S и две разные буквы Z. Обработка заимствований из аваллонийского также важна, в ранних заимствованиях аваллонийские Tu и Ну (приблизительные эквивалентные английским t [сmp. 419] в tune, h в huge), оба превратились в адунайском в S: например, адунайские *sulum* «мачта», *sūla* «труба» из нимрийского *kyulumā*, *hyōlā*, аваллонийского *tyulma*, *hyōla*.

В раннем языке Ph, Th, Kh явно были придыхательными взрывными как в древнегреческом языке. Это более ясно видно, когда они вступают во взаимодействие с другими звуками (см. ниже). Но из некоторых моментов правописания, из позднего развития языка в Изгнании, а также из действительного произношения полученных в слышимой форме

слов, следует, что перед Падением эти придыхательные звуки стали сильными фрикативными [спирантами – прим. пер.]: F (губно-губной), þ (англ. глухой th), X (звук из *ach*, который изначально относился к H, и с которым Kh ныне слился в тех местах, где H не перешёл в горловой «выдох» h-). В это же время комбинации PPh, TTh, KKh превратились в «аффрикаты» PF Tþ, KX, а впоследствии – в долгие или удвоенные спиранты FF, þþ, XX. PTh и KTh – проявляются превратившимися в Fþ Xþ.

H был первоначально, как описано выше, глухим заднеязычным фрикативом, но в классическом языке он обычно стал щелевым (горловым выдохом) H. Таким образом, всегда в начале слов, а также в середине слова между гласными. Он, однако, ни в каких случаях не стал немым в этих положениях [*Примечание 7*]. Фрикатив H сохранялся перед S [добавлено: а также в долгом или удвоенном HH] (где он позднее слился с Kh); и в некотором «услышанном» он, кажется, появляется между T и Th, хотя обычно перед согласными он слышится как простой выдох, имеющий тембр предшествующего гласного. По развитию H в других сочетаниях см. ниже.

Первоначальные согласные W и Y были слабы (гласные U и I в форме согласных). В середине они исчезли (в доисторический период) перед гласными U и I соответственно. Но в начале слова они укрепились, стали более фрикативными звуками (хотя w оставалось губно-губным), таким образом, начальные комбинации wu и yí сохранились. Подобное укрепление встречалось между гласными (где W и Y не были утрачены). После согласных и W, и Y оставались слабыми, как английские W и Y. Перед согласными и в конце слова они озвончались и обычно образовывали с предшествующими гласными дифтонги (см. *Гласные*) [*Примечание 8*].

Звук «?» [см. *Примечание 1*] не имеет отдельной буквы в адунайской письменности, исключая древние надписи, упомянутые выше [стр. 418 и *Примечание 6*]. Предположительно, он исчез очень рано. Невозможно определить, использовался ли он когда-либо в середине как согласный, образующий основу. Вероятно, нет.

[*стр. 420*] ʒ становился всё слабее, пока не слился в классический период (аналогично смягчению глухого эквивалента - согласного H к придыхательному H), с соседними гласными. Такое смягчение заднеязычных фрикативов может быть приписано влиянию аваллонийского.

В начале слова ʒ исчез. В середине, между гласными, он также исчез, результатом часто становилось появление стяжений (всегда – в случае гласных, AʒA в Ā), Uʒ + гласные стало UW- и Iʒ + гласный стало IY-. В конце слова или перед согласным ʒ слилось с предыдущим гласным, который удлинялся, если был кратким, как в AʒDA → к ĀDA.

Ассимиляция при взаимодействии.

Как отмечено выше, ассимиляция производилась лишь очень умеренно, вследствие того, что система корневых согласных в адунайском чётко осознавалась. И даже эти ассимиляции, в основном появившиеся в реальном произношении, были редко представлены в письменной форме, исключая редкие случаи, где структура слова более не распознавалась.

Носовые являются, однако, неожиданным исключением из этой консервативной

тенденции, как при письме, так и при произношении. Это еще более примечательно, так как комбинации MP, NT, NK не только кажутся естественными для нас, но и весьма предпочитались в аваллонийском. В адунайском их не любили и склонялись к их замене даже в точке соприкосновения двух разных слов в составном слове: как Amāttāni из AMĀN+THĀNI – «Королевство Амана».

Зубной носовой N в устной речи принимал артикуляцию следующего за ним согласного другого ряда. Он, таким образом, стал M перед P, Ph, B и M; и 9 перед K, Kh, H, 3, G, хотя, примечательно что NW осталось неизменным (NW – одно из предпочитаемых сочетаний в аваллонийском). Где носовой еще оставался носовым, как в MB, NG, эта смена положения часто игнорировалась при письме.

После этих изменений артикуляции претерпели изменения и все комбинации «носовой + глухой согласный». В комбинациях MP, MPh, NT, NTh, NK, NKh носовой был сперва оглушен, и затем перестал быть носовым, образуя в результате комбинации PP, PPh, TT, TTh, KK, KKh. Эти изменения признавались, как правило, при письме, хотя обычно над P, T, K которые происходили от носового звука, ставили диакритические знаки; услышанные формы, по-видимому, свидетельствуют, что этот знак относился к этимологии и грамматике, а не к фонетике. В древних конструкциях N+N превратилось в 9N и затем в NH (фонетически XX, долгий заднеязычный глухой фрикатив), но в сочетаниях, случившихся после ослабления N до придыхательного H, или переделанных после [сmp. 421] этого, NH осталось и слышалось как глухое NN с остаточным придыханием при рекурсии. NS превратилось в TS.

Так как M не подвергался ассимиляции со следующим за ним согласным, существовали комбинации MT, MTh, MK, MKh, MH и MS. Параллельно с развитием, описанным выше, они превратились в PT, PTh, PK, PKh, PS, но не известно ни одного примера P+N для M+N. В нескольких случаях взаимодействия M+N писалось MH и (как в случае с NH) слышалось глухое MM.

Там, где следующий согласный был звонким, изменений было немного (кроме артикуляционных, описанных выше). Звук 3 после N или инфиксированного гоморганического 9 не исчез, но назализовался до 99, которое перешло в NG (фонетически 9G). NR, NL имели склонность становиться RR, LL, но обычно с сохранением назальности (перенесенной на предшествующий гласный) в произношении; этого изменения, как правило, нет при письме, хотя найдены сочетания вроде NRR и NLL. M3 стало MM, в соответствии с основной тенденцией 3 ассимилироваться к предшествующему звонкому звуку. MW стало в произношении MM (в разговорной речи предшествующий губной согласный обычно поглощает следующий за ним W), но это изменение обычно не показывалось в правописании.

Другие ассимиляции более редки и менее заметны. При произношении согласных была тенденция в стечениях ассимилироваться по звонкости; но эта тенденция менее устойчива, чем, скажем, в английском, и в основном игнорировалась при письме. Таким образом, мы видим, что *sapda* образовалось из основы SAPAD, и *Asdi* из основы ASAD, которые могут произноситься как *sabda* и *azda* (хотя *z* в такой форме лишь частично звонкое и вибрация при его произношении меньше, чем у обычного *z*).

Придыхательные Ph, Th, Kh обычно имели сильную тенденцию оглушать последующие звуки и переносить своё придыхание или остаточное придыхание при рекурсии на конец сочетания. Таким образом, Ph + D, или T, или Th, стало PTh (или более точно PhTh). Таким образом, из основы SAPHAD произошло *saphdān «мудрец, волшебник», ставшее позднее *saphthān* (фонетически, как описано выше, *safṭān*). Но такие комбинации не были особо распространены, и в ясных формах (таких, например, как формы, появляющиеся в результате склонения существительных или спряжения глаголов, или из случайных словообразований) были подвержены преобразованию, особенно после изменения придыхательных в фрикативы; отсюда *usaphda* «он понял» для *usaptha*.

Континуанты W, Y; L, R, Z произносятся глухо после придыхательных, но в иных случаях не испытывают изменений. Они также были [стр. 422] глухими после S и H. Перед H и S континуанты L, R, Z оглушались, но W и Y уже стали гласными (U и I). M, N были глухими после придыхательных (пока они оставались таковыми), но не после других звуков; после позднее развившихся фрикативов F, P, X, оглушение M и N было только частичным.

После глухих звуков согласный 3, в то время пока он еще оставался слышимым, стал H. После звонких звуков он ассимилировался с ними, как, например, B3 и D3 становились BB и DD. Как отмечено выше, N3, 93 стали 99 и затем NG.

После звонких звуков H не был звонким, но имел тенденцию оглушать предшествующий согласный. Аналогично происходило, когда он предшествовал звонкому континуанту (как в HR, HM, HZ и т.д.); однако перед B, D, G он склонялся к озвончению, то есть, становился неотличим от 3 и, следовательно, исчезал, будучи поглощенным предшествующим гласным.

Гласные адунайского языка.

Адунайский первоначально обладал только тремя первичными гласными: a, i, u и двумя основными дифтонгами AI, AU.

Каждая основа обладала одним из этих гласных: A, I, U как одним из своих существенных компонентов, который я назвал ХГ – Характерный Гласный (CV).

Нормальное положение ХГ – между первым и вторым согласным основы, таким образом, NAK-, KUL'В.

Двухсогласная основа может также добавлять ХГ в конце слова, а трехсогласная основа может добавлять его перед последним согласным: NAKA, KULUB. Такие формы с двумя основными гласными могут быть названы полной формой основы.

Встречаются другие формы или модификации:

(1) префиксация ХГ: ANAK, UKULB, IGIML [здесь и далее нумерация пунктов (i), (ii), (iii) передана как (1), (2), (3) и т.д. – Прим. пер.],

(2) суффиксация ХГ в трехсогласных основах: KULBU, GIMLI

(3) подавление ХГ в его обычном положении, в этом случае он должен быть в каком-либо другом месте: -NKA, -KLUB, -GMIL

Это подавление обычного ХГ может встречаться только в двухсогласных основах, где имеется суффиксация ХГ. Также требуется, чтобы ХГ был префиксирован: ANKA, UKLUB,

IGMIL или (реже), что должен был присутствовать некоторый другой словообразовательный префикс, оканчивающийся на гласный: DA-NKA, DA-KLUB, DA-GMIL.

Эти модификации редко комбинируются: в основной форме обычно ХГ не повторяется более двух раз (как UKULBU, KULUBU), хотя такая форма, как UKULB, первоначально не могла быть отдельным словом в адунайском языке, окончанием должен был быть гласный, не являющийся ХГ (как UKULBA).

[стр. 423] Один из гласных корня от основы должен быть или ХГ, или одной из его обычных модификаций (описанных ниже), но второй гласный его «полной формы» не обязан быть ХГ, но может быть любым из основных гласных (или их модификаций). Таким образом, NAKA – NAKI, NAKU, KULUB – KULAB, KULIB. Приставка-гласный (в отличие от особых словообразующих префиксов) должна быть всегда ХГ, но добавленные как суффикс гласные могут быть также разнообразными: так KULBA, KULBI; GIMLA, GIMLU [Примечание 9].

Все первичные гласные А, I, U могут быть модифицированы следующим образом:

- (1) Удлинение: $\bar{A}$, $\bar{I}$, $\bar{U}$
- (2) Укрепление или А-инфиксация: $\bar{A}$, AI, AU
- (3) N-инфиксация: AN, IN, UN [Примечание 10]

В древнем языке существовали сверхдолгие гласные, которые отмечались особым знаком, в моей транскрипции представленным как ($\hat{\quad}$). Они встречались: (1) в фактических модификациях основ, главным образом в двухсложных основах и всегда только перед последним согласным основы; (2) как результат стяжения гласных, где один из слившихся гласных уже был долгим. Таким образом, основа ZIR «любовь, желание» производит $\hat{z}ir$ и $\hat{z}ir$, а также $\hat{z}aira$ и $\hat{z}air$ «сильное стремление».

Подобные формы иногда производились основами со срединным W, Y и удлиненным ХГ: так основа DAWAR производит $\hat{*d}aw'r$ и также $\hat{d}aur$ «мрак»; $\hat{z}ayun$ «страна, земля» производит множественное число $\hat{*z}ayin$ и также $\hat{z}ain$.

Исключая самые старые тексты и «услышанные» формы, дифтонги ai , au монофтонгизировались в долгое (открытое) $\bar{e}$ и $\bar{o}$ соответственно. Долгие дифтонги остались неизменными и обычно слышались, каково бы ни было их происхождение, как дифтонги с долгим гласным в качестве первого элемента и кратким гласным (всегда I или U – в качестве второго), хотя второй элемент был более долгим и ясным чем в обычном дифтонге: интонация «восходящая-нисходящая».

Единственный источник $\bar{e}$ и $\bar{o}$ в адунайском – старые дифтонги ai , au . Как следствие, в этом языке отсутствуют краткие $\check{e}$ и $\check{o}$. Аваллонийские $\check{e}$ и $\check{o}$ обычно отображаются как i и u соответственно; хотя иногда (особенно в безударных слогах перед R или там, где система адунайского языка благоприятствует им) оба гласных проявляются как a . В ранних заимствованиях из аваллонийского, предположительно произошедших перед монофтонгизацией ai , au , аваллонийские $\bar{e}$ и $\bar{o}$ передаются как $\bar{i}$ и $\bar{u}$ соответственно, но позднее они передаются как $\bar{e}$ и $\bar{o}$.

[стр. 424] *Взаимодействие гласных.*

Оно может быть получено: (1) потерей среднего согласного, особенно 3; (2) при суффиксации, особенно при добавлении элементов склонений: *ī, ū, ā, āi, im,* и т.д.

Если один или оба компонента долгие, тогда получается долгий дифтонг или сверхдолгий гласный.

U сливается с U, I – с I, A – с A.

После U развивается плавный согласный W (таким образом *ū – ā, ū – ī* переходят в *ūwā, ūwī*) как описано выше. Подобным же образом после I развивается Y (так *ī – ā, ī – ū* к *īyā, īyī*).

Ранний адунайский обладал также длинными дифтонгами ÔI, ÔU, ÊI, ÊU. Все они были результатами стяжения, а ÊU был редок. В классический период ÔI и ÊU остались, но ÔU стал сверхдолгим простым гласным Ô, и подобным же образом ÊI стало Ê. Эти дифтонги были найдены главным образом в слогах окончаний склонений, где они, видимо, получены добавлением некоторых флективных элементов, таких как *-i, -u*, непосредственно к форме, не подвергшейся склонению (ставшей считаться корнем) вместо этимологического корня. Таким образом, множественное число от *manō* «дух», из **manaw-* или **manau* – это *manōi*.

Но подобные формы могли также производиться от основ. Таким образом, основа KUY могла производить «укреплением» *kauy-* в *kōy, kōi*. А основа KIW могла производить «укреплением» *kaiw-* в *kēw, kēu*. Возможно, что формы склонений также были, по крайней мере частично, подобного происхождения. Если окончание множественного числа изначально было YĪ, а не Ī (как кажется, потому что Y исчез перед I в середине слова), тогда развитие могло быть таким: *manaw, manau + yi* к *manōyi* до *manōi*; и подобно *izray, izrai +yī*, к *izrēyī* к *izrēi* до *izrē*.

Процессами: (1) N-инфиксации и удвоения согласного; и (2) изменения положения ХГ, его модификацией и изменением гласных во второстепенных слогах, адунайские основы и, особенно, их трехгласные формы, были способны создавать огромное количество производных форм без помощи префиксации и суффиксации. Обычно простые основы имеют небольшое количество модификаций. В любом случае, ни одна из полученных производных никогда не имела две модификации одного *vida* одновременно; для этой цели N-инфиксация и удвоение согласного считается одним видом словообразования, а удлинение и A-укрепление считаются другим видом. Изменение положения ХГ и варьирование второстепенных гласных могут комбинироваться с другими процессами образования производных.

[стр. 425] Даже с этими ограничениями такие основы как KULUB и GIMIL могут, например, развить следующие варианты (среди прочих возможных форм):

KULBU, -A -I; KULAB, KULIB, KULUB; UKLUB – *Kulbō, -ā, -ē, -ū, -ī; kōlab, kōlib, kōlub, kulōb, kulēb, kulāb, kulūb, kulīb; uklōb, uklūb*

Kullub, -ib, -ab (с вариантами, показывающими - *ūb, īb, āb, ēb, ōb*); *kulubba, kulubbi, kulabbu, kulabba, kulabbi, kulibbu, kulibbi, kulibba; kulumba* (также *kulimba, kulamba*, и т.д., хотя N-инфиксация обычно находится возле ХГ, предшествующего носовому звуку); *uklumba*; и т.д.

GIMLI, -A, -U; GIMAL, GIMIL, GIMUL; IGMIL с параллельными вариациями, такими

как GĒMIL, GIMĒL, IGMĒL, GIMMIL, GIMILLA, и т.д.

Очевидные чередования гласных, полученные в результате этих изменений:

Основная A: a — ā — â

Основная I: i — ī — î, ē — âi

Основная U: u — ū — û, ô — âu

Склонение имен существительных.

Имена существительные могут быть разделены на два главных класса: *сильные* и *слабые*. *Сильные* существительные образуют множественное число и в некоторых падежах определенные другие формы изменением последнего гласного корня. *Слабые* существительные склоняются с добавлением окончаний во всех падежах.

Корни сильных существительных, без сомнения, по происхождению, все – основные корни, в той или иной полной форме: например, NAKA, GIMIL, AZRA; но тип склонения сильного существительного распространился на большинство существительных, у которых корень оканчивался на краткий гласный, следующий за простым согласным. Ни одно существительное с односложным корнем не является сильным.

Корни слабых существительных были или односложные, или оканчивались на удлиненный или усиленный слог (такой как *-ā, -ān, -ī, -ōn, -ūr* и др.), или они образовались с помощью суффикса или добавленного элемента.

Обычно существительные делят на мужской, женский, общий и средний род; хотя, строго говоря, какой-либо «род» в адунайском отсутствует (тут нет, например, форм мужского, женского и среднего рода у прилагательных). Но в *субъектном* падеже [Subjective – Прим. пер.], как можно его назвать, в ед. ч. различаются четыре вышеназванных разновидности; а множественное число среднего рода образуется иным способом, чем тот, что применим для мужского, женского и общего рода. Это происходит из-за того, что субъектный падеж был первоначально создан с местоименными аффиксами, а адунайский различает род (или скорее пол) в местоимениях третьего лица.

[стр. 426] Все существительные принадлежат к среднему роду, исключая: (1) собственные имена людей и персонификации; (2) существительные, обозначающие мужские или женские функции; самцов и самок животных, где они наделяются особой характеристикой: например, «хозяин, хозяйка, кузнец, кормилица, мать, сын» или «жеребец», «сука».

Мужским или женским родом наделяются персонификации природных объектов, особенно стран и городов, которые наряду с формой среднего рода могут иметь форму среднего рода и персонификацию одновременно. Часто «персонификация» является всего лишь средством образования имени собственного из обычного существительного или прилагательного: таким образом, *anadūni* «западный», *Anadūnē*, ж.р., «Западная». Абстрактные понятия могут также быть персонифицированными и считаться действующими лицами: так *Agān*, м.р., «Смерть», *agan*, ср.р., «смерть». В таких случаях, однако, как *nīlō*, ср.р., «луна», и *ūrē*, ср.р., «солнце», по сравнению с персонифицированными формами *Nīlū*, м.р., и *Ūrī*, ж.р., мы имеем не столько явную персонификацию, сколько имена реальных личностей,

или тех, кого адунаим считали реальными личностями: духов-хранителей Луны и Солнца, в действительности «Лунаря, Человека-с-Луны» и «Леди Солнца».

Существительными общего рода являются *anā* «человек, человеческое существо», названия всех животных, которые не охарактеризованы особо, и названия народов (особенно во множественном числе, такие как *Adūnāim*). [Примечание 11]

Корни существительных могут заканчиваться на любой одиночный основной согласный или на гласный. Надо, однако, отметить, что первоначальные корневые согласные W, Y, ʒ вокализовались в конце слов, и эти конечные формы имеют тенденцию рассматриваться как действительные корни. Так, *pā* «рука» [hand – Прим. пер.] возможно из *paʒa, мн. ч. *pāi*; *khāu* или *khō* «ворона» из *khāw и *khāw, мн. ч. *khāwī(m)* и *khōi* (последнее должно исторически быть *khāwī*).

Долгие согласные или комбинации согласных не встречаются в конце слов в классическом адунайском языке [Примечание 12]. Корни существительных, следовательно, могут оканчиваться только на один согласный (или на гласный). Суффиксы обычно оканчиваются на гласный, или на зубные взрывные: t, th, d, или на континуанты, особенно s, z, l, r, носовые n и m, более редким было окончание на согласные из других рядов – h, g, p, ph, b, хотя k иногда встречается.

Где, однако, существительное имеет основной корень, там нет ограничений. Таким образом, *pūh* «дыхание»; *rūkh* «крик»; *nīph* «дурак»; *urug* «медведь»; *pharaz* «золото». Такие «основные» формы не были особо распространены, исключая существительные среднего рода; и они очень редко принадлежали женскому роду (так как специфика слов женского рода заключается в том, что они обычно образованы суффиксами -ī, -ē из корней мужского или общего рода). Единственное часто встречающееся существительное ж.р. [сmp. 427] этого типа – *nithil* «девушка». Слово *mith* «девочка, малышка», кажется, было этого типа, но, возможно, было составлено с аффиксом -th (часто встречается в существительных ж.р.) из основы MİYI «маленький», см. форму м.р. *mīk* и дв. ч. *miyāt* «близнецы (дети)».

В составных существительных и именах, однако, «голый» корень (часто содержащий удлиненный или усиленный гласный) очень часто встречается как последний элемент. В таких образованиях, какой бы ни была функция корня, использованного как простое слово, этот конечный элемент очень часто обладает силой агенса и поэтому требует для предшествующего элемента формы объектного падежа (про объектный падеж см. ниже). Отсюда *izindu-bēth* «правду-говорящий, пророк»; *Azrubēl*, имя собств., «любитель моря» [«Моря-любитель» – Прим. пер.]. Это контрастирует с простым словом *bēth* «слово, изречение, выражение, фраза».

Существительные мужского рода обычно обладают в конечном слоге *ō*, *ū*, или *ā*. Если в них присутствуют аффиксы, слова заканчиваются на -*ō* или -*ū*, или на согласные преимущественно «мужского рода» k, r, n, d, которым предшествуют *ō*, *ū*, или *ā*.

Существительные женского рода обычно обладают *ē*, *ī*, или *ā* в конечном слоге; и если в них присутствуют аффиксы (как бывает обычно), они оканчиваются на -*ē* или *ī* или на согласные преимущественно женского рода th, l, s, z, которым предшествуют *ē*, *ī*, или *ā*.

Существительные общего рода имеют формы существительных среднего рода или

же в них предпочитается конечный *-ā* или *-ā̄* в последнем слоге.

Существительные среднего рода не обладают *ī* или *ī̄* в последнем слоге корня, и в них не встречаются суффиксы, содержащие *ī̄*, *ō̄*, или *ī̄*, *ē̄*, т.к. они – признаки соответственно мужского и женского рода. [Примечание 13].

У существительных различаются три числа: *единственное*, *множественное* и *двойственное*.

В большинстве случаев единственное число является обычной формой, и все остальные формы производятся от неё. Есть, однако, довольно много слов, с более или менее выраженным значением множественного числа, форма которых соответствует «единственному числу» (то есть не получившая окончания, соответствующего склонению), тогда как соответствующие формы единственного числа получаются из него или имеют менее простую форму основы. Таким образом, *gimil* «звезды», по сравнению с ед. ч. *gimli* или *igmil* (последнее обычно обозначает фигуру в форме звезды, а не звезду в небе). Эти формы множественного-единственного числа в действительности являются собирательными и обычно относятся ко всем объектам этой разновидности (или ко всем в мире, или ко всем в определенном месте, о котором думают или говорят). Таким образом, *gimil* означает «небесные звезды, все видимые звезды», как в предложении «я вышел наружу прошлой ночью посмотреть на звезды»; множественное число от форм ед. ч. *gimli*, *igmil* – *gimli*, *igmil* – значит «звезды, несколько звезд, некоторые звезды» и, вследствие этого, будет единственной формой, которая должна использоваться с конкретными числительными, как в *gimli hazid* [ср. 428] «семь звезд». Подобным же образом, в имени *Avalē* или «богини» *Avradī: Gimilniṭīr* «Зажигающая звезды», есть ссылка на миф – очевидно, о том, как она зажгла все звёзды на небесах, *gimlu-niṭīr* могло бы означать «зажигающая (конкретную) звезду».

Формы двойственного числа являются собирательными или парными и значат «оба» или «(эти) два». Таким образом, они никогда не требуют артикля. Они образуются суффиксом *-at*. Двойственное число обычно используется только для таких вещей, которые существуют в естественной или привычной паре: например, башмаки, руки, глаза. Для фразы, скажем, о двух отдельных башмаках, не образующих пару, адунайский мог использовать существительные единственного числа с последующим числительным *satta* «два». Но в более старом языке вещи, случайно связанные друг с другом, где мы могли бы сказать «(эти) два», иногда ставились в двойственном числе.

В основном, двойственное число использовалось в классическом адунайском для образования пар существительных, где: (а) два объекта в целом связаны, как «уши»; или, иногда, (b) они в целом противопоставлены как «день и ночь». Первый случай несложный: так *huzun* «ухо», *huznat* «два уха (одного лица)». Во втором случае, если два объекта достаточно различны, чтобы иметь отдельные названия, тогда или (а) два корня составляют составное слово и окончание склонения двойственного числа добавляется в конце; или, редко, (b) используется только один корень, другой подразумевается или добавляется отдельно, в единственном числе. Таким образом, для «солнца и луны» зафиксированы формы *ūriyat*, *ūrinīl(uw)at*, и *ūriyat nīlō*.

Существительные имеют *две* формы, или «падежа», в каждом числе: 1. *Общий*

(Normal), 2. *Субъектный* (Subjective). Кроме того, только в единственном числе была форма *объектного* (Objective) падежа.

[Для перевода термина *Normal case* «обычный, нормальный падеж», употребленного Толкином, используется термин «общий падеж» по аналогии с термином «общий падеж» (Common case) со схожими функциями, что используется в литературе в трактовке грамматики английского языка.

Для перевода термина *Subjective case* используется более буквальный вариант «субъектный падеж», также возможен вариант перевода «именительный падеж», по аналогии с термином «именительный падеж» или «субъектный падеж» (Subjective case) со схожими функциями, что используется в литературе в трактовке грамматики английского языка. Однако, в переводе использован термин «субъектный падеж» во избежание путаницы с термином «именительный падеж» в русском языке, отличающегося по функциям от данного падежа в адунайском.

Для перевода *Objective Case* используется термин «объектный падеж», как более буквальный вариант, также возможен вариант перевода «косвенный падеж» (по аналогии с термином «косвенный падеж» или «объектный падеж» (Objective case) со схожими функциями, что используется в литературе в трактовке грамматики английского языка), «винительный падеж» (подобно терминам трактовки грамматики семитских языков). Майкл Адлер в «Первых шагах в грамматике иврита» (Michael Adler. First steps in Hebrew Grammar. London 1929, с. 19, 24) использует термин Objective Case «объектный падеж», параллельно с термином Accusative Case «винительный падеж» (Objective/ Accusative Case). Также можно отметить, что в родственном адунайскому языку кхуздуле местоимение *mēni* с окончанием *-u*, сходным с окончанием объектного падежа в адунайском, отмечено Толкином в винительном падеже (*mēni* – accusative pl. *you* = форма винительного падежа мн. ч. «вас», см. Парма Эльдаламберон № 17, с. 85). – Прим. пер.]

Общий падеж (N) не имеет падежного окончания. Он используется везде, где не являются обязательными *субъектный* (S) и *объектный* (O) падежи. Соответственно, эта форма может употребляться: (1) как дополнение к глаголу. Она никогда не предшествует непосредственно глаголу, к которому является дополнением. (2) Перед другим существительным она или (а) является его приложением или (б) имеет значение прилагательного или притяжательной формы родительного падежа. В адунайском языке первое существительное – то, что в родительном падеже (прилагательные обычно предшествуют существительным). По этой причине порядковые числительные, которые являются существительными (кроме «один») следуют за своим существительным: *gimli hazid* = 7 звезд. Две функции: приложения и прилагательного (или родительного падежа) обычно различались ударением и интонацией [Примечание 14]. (3) В качестве сказуемого: *Ar-Pharazōnun Bār 'nAnadūnē* «Король Фаразон – (есть) повелитель Анадун». (4) Как подлежащее, когда он непосредственно предшествует глаголу, в полной спряженной форме [со всеми требуемыми аффиксами – Прим. пер.]. В

этом случае глагол должен содержать [сmp. 429] требуемые местоименные приставки. Если используется субъектный падеж, подобные приставки глаголу не требуются. Таким образом, *bār ukallaba* «повелитель пал», или *bārun (u)kallaba*; последнее, где используется и субъектный падеж, и местоименный префикс, скорее переводится как «этот повелитель пал» [it was the lord who fell – Прим. пер.]. (5) Как основа, к которой добавляются определенные «предложные» аффиксы наречий, такие как *ō* «от», *ad, ada* «к, по направлению к», *mā* «с», *zē* «у, в».

Субъектный падеж (S) используется как подлежащее для глагола (сказуемого). Как показано выше, субъектный падеж не требует использования перед глаголом с местоименными префиксами; существительное-дополнение никогда не располагалось в этой позиции. Субъектный падеж также представляет глагол «быть» как связку, см. (3) выше. Когда два и более существительных в адунайском языке помещаются рядом в приложении, только последнее из ряда получает окончание субъектного падежа: таким образом, *Ar-Pharazōn kathuphazgānun* = «Король Ар-Фаразон Завоеватель». В противоположность *Ar-Pharazōnun kathuphazgān* = «Король Ар-Фаразон есть (был) Завоеватель».

Форма объектного падежа (O) используется только в сложносочиненных (составных) выражениях или в действительных составных словах. Перед отглагольным существительным или отглагольным прилагательным (причастием) или любыми словами, что могут иметь похожий смысл, он используется в значении дополнения / родительного падежа. Так, *Minul-Tārik* «Столп небес», имя горы. Здесь *Minul* – объектная форма от *minal* «небеса», поскольку *Tārik* «столп» означает здесь «то, что поддерживает». *Minal-Tārik* значило бы «небесный столп», ср. столп в небе или образованный облаками. Сопоставьте *Azru-bēl* (где *azru* показывает форму объектного падежа от *azra* «море»), «Любитель моря», с *azra-zāin*.

Существительные множественного числа редко ставятся в такую позицию (а существительные двойственного числа – никогда не ставятся). Когда существительное во множественном числе так используется, оно всегда находится в отношении *объекта*, а не в описательном или притяжательном к последующему существительному, так что существительные во множественном числе не требуют особой формы объектного падежа. Родительный падеж существительного множественного числа может быть выражен только с приставкой *an-*, описанной в примечании выше [см. Примечание 14]; таким образом, *Ārū'nAdūnāi* «король анадунийцев».

Множественность выражается в адунайском или звуком *ī*, как последним гласным корня перед последним согласным (в сильных существительных) или добавлением суффикса *-ī*. Считается, что суффикс первоначально имел форму *-yī* (см. стр. 424).

Двойственное число выражается суффиксом *-at*. «Сильные» формы отсутствуют.

[сmp. 430] Субъектный падеж: в существительных среднего рода выражается *a*-укреплением последнего гласного в корне, в случае сильных существительных: как *zadan* с формой субъектного падежа *zadān*; в слабых существительных используется суффикс *-a*. В существительных мужского рода, сильных или слабых, используется суффикс *-un*, в существительных женского рода – суффикс *-in*, в существительных общего рода суффиксы *-an*, и *-n*. Во множественном числе он имеет суффикс *-a* в существительных среднего рода и во всех

других существительных суффикс *-im*.

Объектный падеж имел или гласный *и* в последнем слоге корня или, иначе, суффикс *-и*.

Примеры склонений

Существительные можно разделить, как отмечено выше [см. стр. 425] на сильные и слабые. У *сильных* существительных падежи и множественное число в корнях образуются частично изменением последнего гласного корня (первоначально переменного гласного во втором слоге базовых корней), частично при помощи суффиксов; у *слабых* существительных склонение целиком суффиксальное.

Сильные существительные можно ещё раз разделить на сильные существительные I и II типа. В I типе переменный гласный располагается перед последним согласным (форма основы KULUB), во II типе переменный гласный – конечный (формы основы NAKA, KULBA).

Существительные среднего рода:

Сильные существительные I типа:

Примеры: *zadan*, «дом»; *khibil*, «родник»; *huzun*, «ухо».

Ед. ч.	Общ. пад.	<i>zadan</i>	<i>khibil</i>	<i>huzun</i>
	Суб. пад.	<i>zadān</i>	<i>khībēl</i>	<i>huzōn</i>
	Объектн. пад.	<i>zadun</i>	<i>khibil</i>	<i>huzun, huznu</i> [Примечание 15]
Дв. ч.	Общ. пад.	<i>zadnat</i>	<i>khīblat</i>	<i>huznat</i>
	Суб. пад.	<i>zadnāt</i>	<i>khīblāt</i>	<i>huznāt</i>
Мн. ч.	Общ. пад.	<i>zadīn</i>	<i>khībīl</i>	<i>huzīn</i>
	Суб. пад.	<i>zadīna</i>	<i>khībīla</i>	<i>huzīna</i>

В двойственном числе, как в вышеперечисленных примерах, обычно проявляется подавление конечного гласного перед суффиксом *-at*; но конечный гласный в формах общего падежа часто сохраняется, особенно там, где подавление могло бы привести к накоплению более чем двух согласных, или где предшествующий гласный – долгий. Так, обычно, *tārikat* «два столпа».

Во всех существительных общих и субъектный падежи двойственного числа различались только в ранних текстах. Перед периодом Изгнания конечное *-āt* использовалось [стр. 431] и для общего падежа, и для субъектного. Это, без сомнения, было обусловлено слиянием общего и субъектного падежа в очень многочисленном классе сильных существительных II типа.

Сильные существительные II типа

Примеры: *azra*, «море»; *gimli*, «звезда»; *nīlu*, «луна».

Ед. ч.	Общ. пад.	<i>azra</i>	<i>gimli</i>	<i>nīlu</i>
	Суб. пад.	<i>azrā</i>	<i>gimlē</i>	<i>nīlō</i>
	Объектн. пад.	<i>azru</i>	<i>gimlu</i>	<i>nīlu</i>
Дв. ч.	Общ. пад.	<i>azrāt, -at</i>	<i>gimlat, -iyat</i>	<i>nīlat, -uwat</i>
	Суб. пад.	<i>azrāt</i>	<i>gimlāt, -iyāt</i>	<i>nīlāt, -uwāt</i>
Мн. ч.	Общ. пад.	<i>azrī</i>	<i>gimlī</i>	<i>nīlī</i>
	Суб. пад.	<i>azrīya</i>	<i>gimlīya</i>	<i>nīlīya</i>

Кроме обычной формы множественного числа от слова *gimli* (*gimlī*), существует, как записано выше [см. стр. 427], также множественное число с формой единственного числа *gimil* (склоняется как *khibil*, только без форм множественного и двойственного числа) в значении «звезды, все звёзды» или «звёзды» в общих утверждениях. Не были редкостью другие существительные, образующие формы множественного числа этого типа, такие как *kulub* («коренья; съедобные овощи, представляющие собой корнеплоды, а не плоды») противопоставленное *kulbī* «корни» (определенное число корней растений).

Формы двойственного числа общего падежа *azrat*; *gimlat*, *nīlat*, субъектного падежа *gimlāt*; *nīlāt* являются архаичными, но согласуются с системой основ адунайского языка и демонстрируют параллельное подавление изменяемого гласного, что видно в *zadnat* и т.д. Поздние формы обусловлены развитием ощущения, что конечные гласные в формах общего падежа *azra*, *gimli*, *nīlu* являются суффиксальными и неизменными, так что окончание *-at* добавляется к форме общего падежа без подавления, давая результат *azrāt*, *gimilyat*, *nīluwat*. Поздние формы демонстрируют *-āt* в обоих падежах, субъектном и общем, вследствие численного преобладания существительных с конечным *-a*.

Слабые существительные

Здесь относятся односложные существительные; и двусложные с долгим гласным или дифтонгом в конечном слоге, такие как *pūh*, «дыхание»; *abār*, «сила, стойкость, верность»; *batān*, «дорога, путь».

Ед. ч.	Общ. пад.	<i>pūh</i>	<i>abār</i>	<i>batān</i>
	Суб. пад.	<i>pūha</i>	<i>abāra</i>	<i>batāna</i>
	Объектн. пад.	<i>pūhu</i>	<i>abāru</i>	<i>batānu</i>
Дв. ч.	Общ. пад.	<i>pūhat</i>	<i>abārat</i>	<i>batānat</i>
	Суб. пад.	<i>pūhāt</i>	<i>abārāt</i>	<i>batānāt</i>
[стр. 432] Мн. ч.	Общ. пад.	<i>pūhī</i>	<i>abārī</i>	<i>batānī</i> [Примечание 16]
	Суб. пад.	<i>pūhīya</i>	<i>abārīya</i>	<i>batānīya</i>

Существительные мужского, женского и общего рода

Существительные мужского, женского и общего рода различаются только в субъектном падеже единственного числа, где формы суффикса *-n* обычно становятся различными при помощи вставки показателей пола или рода *u*, *i*, *a*. В поздних, но написанных еще до Изгнания текстах, существительные женского рода в объектном падеже часто получали гласный *i* (так *nithli* для *nithlu*) по причине ассоциации гласного *u* с существительным мужского рода. Существительные женского рода «основных» форм редки, то есть немногие из них относятся к склонению сильных существительных Ia типа, так как именно существительные женского рода обычно образуются из м[ужского рода существительных].

Здесь «Отчет Лаудхема» обрывается в нижней части страницы (см. стр. 436). «Примечания» к тексту следующие:

Примечание 1

При подсчете числа согласных в основах следует заметить, что многие основы первоначально начинались со слабых согласных, которые позднее исчезли, особенно

«отчетливое начало слова» (или, возможно, «гортанная смычка»), для которых я использовал символ ?. Таким образом, основа ?IR «один, единственный, одинокий», из которой были получены многочисленные слова (например, *Eru* «Бог»), – это двухсогласная основа.

Примечание 2

Поскольку эта таблица отличается от списка действительных согласных из наших записей, она получена путем выводов из наблюдаемых изменений, встречающихся в словообразовании, из вариаций в правописании, в письменных документах, «увиденных» Джереми, из обработки слов, заимствованных из аваллонийского, и из преобразования более старых форм, что были случайно замечены.

Примечание 3

Адунайский не обладает носовыми согласными С и К-рядов, как отдельными элементами, образующими основы. Последний (здесь обозначенный как 9), звук *ng* в английском *sing*, встречается, однако, как образование, полученное: (а) от «инфиксированного» носового звука перед согласными К-ряда, и (b) от зубного носового N (не M), когда он вступает во взаимодействие с согласным К-ряда в процессе словообразования. Про инфиксацию см. ниже [см. стр. 417 и Примечание 4]. Несомненно, адунайский первоначально обладал подобным носовым согласным С-ряда, но так как они все стали зубными, исключая Y, носовой согласный мог встречаться только в NY, если вообще встречался. В этом сочетании, [стр. 433] однако, адунаим, кажется, использовали тот же знак, что и для зубного N.

Примечание 4

Инфиксация носовых очень важна в аваллонийском, но, кажется, не встречается вовсе в кхазадийском; так что этот элемент в структуре адунайского может быть обусловлен влиянием аваллонийского в доисторический период.

Примечание 5

Этот звук встречается только в сочетании NG, для которого в адунайском языке используется одна буква.

Примечание 6

Джереми не смог увидеть это особо отчетливо; в тот период, куда адресовался его «взгляд», оно было, возможно, очень древним и частично нечетким. Мы полагаем, что это было на каком-то монументе, отмечавшем высадку Гимилзора, сына Азрубела, на восточном берегу Анадунэ. Монумент не мог быть полностью современным высадке, поскольку тексты, кажется, упоминают адунайское письмо, как изобретенное только после того, как они [адунаим – Прим. пер.] недолгое время прожили на острове. Запись на монументе, вероятно, однако, датирована временем, по крайней мере, за 500 или, вполне возможно, за 1000 лет до времени Ар-Фаразона. Это проистекает из формы букв и архаичности лингвистических форм. Из наших обрывочных материалов продолжительность периода, на протяжении которого адунаим жили в Анадунэ, не может быть, конечно, вычислена полностью и точно, но тексты, кажется, показывают, что: (а) Гимилзор был молод во время высадки; (b) Ар-Фаразон был стар ко времени Падения; (c) между ними было 12 королей, что практически означает 14 царствований [см. стр. 381, §20]. Но члены королевского дома, кажется, часто жили до 300 лет, в то время как королям, кажется,

обычно наследовали *внуки* (их дети, как правило, были старше чем 200 или даже 250 лет, прежде чем король «засыпал», и передавали корону своим сыновьям, так, чтобы царствование могло длиться настолько долго и нерушимо, насколько это было возможно, и вследствие того, что сами они погружались в занятия каким-либо направлением искусства или науки). Это подразумевает, что королевство Анадунэ могло существовать намного более 2000 лет.

Примечание 7

Очевидные случаи, такие как вариация между местоименными *и-* и *һи-*, обусловлены существованием двух корней, один из которых начинается [стр. 434] со слабого согласного (3 или ?), другой – с усиленной Н-формы.

Примечание 8

При словосложении или склонении «скользящее» *w* развивалось между *U* и следующим за ним гласным (иным, чем *U*) и это развилось в адунайском в полный согласный. Подобно этому, *Y* развивалось между *I* и следующим за ним гласным (иным, чем *I*). Возможно, лучшее представление адунайского *w* – английской буквой *w*, но я использовал *v* при транслитерации на английский язык адунайских имен.

Примечание 9

Отметьте, что эти изменения допускались, когда ХГ в обычной позиции; такие формы как AN'KU, UKLIV не допускались.

Примечание 10

Эти модификации не несут изменения ХГ, так что они могут встречаться вместе с изменением гласных во второстепенных слогах: таким образом, из основы GIM'L возможна форма GAIMAL.

N-инфиксация, хотя не является в строгом смысле изменением гласных, включена сюда потому, что она играет подобную удлинению роль в грамматике и образовании производных. Она встречается только перед средним и конечным радикалом (и никогда не встречается перед начальным радикалом, как в аваллонийском) и там ограничена расположением перед взрывными и Z (о чем см. выше [стр. 417]).

Примечание 11

Существительные общего рода могли быть превращены в существительные мужского и женского рода, когда получали соответствующие модификации или аффиксы; или, естественно, могли использоваться отдельные слова. Таким образом, *karab* «лошадь», мн. ч. *karīb*, помимо *karbū* м.р. «жеребец», *karbī* «кобыла»; *raba* «собака», *rabō* м.р. «кобель» и *rabē* ж.р. «сука». *Anā* «человеческое существо», *anū* «лицо мужского пола, мужчина», *anī* «лицо женского пола, женщина»; по сравнению с *paṅu* «мужчина», *kali* «женщина». *Nuphār* «родитель» (дв. ч. *nuphrāt* «отец и мать» как пара), помимо *ammī*, *ammē*, «мать»; *attū*, *attō* «отец».

Примечание 12

В большинстве наших записей, относящихся приблизительно к периоду Падения, конечное -ā, действительно, часто пропускалось в устной речи, не только перед гласным в начале другого слова, но также (особенно) в конце (т.е. в конце предложения или фразы) и в других случаях; так что разговорный язык мог иметь разнообразные комбинации конечных

согласных.

[стр. 435] *Примечание 13*

Использование *ī* и *ī̄* (и *ō* из *au*, *ē* из *ai*) как показателей мужского и женского рода проходит через всю грамматику адунайского языка. U и I являются основами местоименных корней для «он» и «она». Использование аффиксов *-ū* и *-ī̄* в конце слов для обозначения рода (или пола): как в *karbū* «жеребец», или *urgī* «медведица», возможно, является в действительности близкой параллелью с такими современными английскими образованиями, как ‘he-goat’ «козел (он)», ‘she-bear’ «медведица (она)».

Примечание 14

В приложении каждое существительное было отдельным и имело самостоятельное ударение. В функции родительного падежа предшествующее существительное или прилагательное получает сильное ударение и высокую интонацию, а второе существительное становится второстепенным. Эти комбинации фактически являются составными словами. Они часто в адунайском письме соединялись пометкой, похожей на дефис (-), или (=), или действительно объединялись в одно. Даже когда они не соединялись, конец одного из существительных часто ассимилировался следующим существительным, как в *Amān-thāni* к *Amāt-thāni*, *Amatthāni* «Земля Амана». В адунайском был и другой путь выражения родительного падежа, где связь не настолько близка: при помощи приставки прилагательных *-an*. Хотя она имеет сходство с функцией английского «of», это не предлог (в адунайском предлоги обычно на самом деле послелоги, следующие за своими существительными); это эквивалент окончания при склонении или суффикса. Так, *thāni anAmān*, обычно *thāni 'nAmān* «Земля Амана». Та же приставка встречается в *adūn* «запад», *adūni* «Запад», *anadūni* «западный». Другие примеры использования для прилагательных: *kadar-lāi* «городской народ», *azra-zāin* «морские земли, ср. приморские области», *Ar-Pharazōn* «Король Фаразон» [букв. «Король-Золотой» – Прим. пер.].

Примечание 15

Форма объектного падежа *huznu*, заимствованная у сильных существительных II типа и слабых существительных, часто обнаруживается среди имен существительных, конечный гласный у которых *u*. Она встречается также в существительных с другим конечным гласным (таких как *zadnu*), но менее часто.

Примечание 16

Двухсложные существительные с долгим конечным слогом (содержащим *a*) иногда, особенно в старых текстах, образуют множественное число сильных существительных заменой *a* на *i*, но не другие формы сильных существительных: так, *batīn*, *batīna* «дороги».

[стр. 436]

***

Что касается дальнейшего материала по адунайскому языку в дополнение к «Отчету Лаудхема», то его немного, и то, что есть, почти полностью представляет собой предварительную работу, большая часть которой очень черновая, по сравнению с текстом, данным выше. Однако, найден рукописный черновик его продолжения с пункта, где он обрывается (в начале раздела о существительных мужского, женского и общего рода, стр. 432).

Для этих существительных сложности перехода от склонения «сильных» существительных к «слабым» систематизированы и представлены довольно смутно, и есть неудобочитаемые моменты. Я колебался, печатать ли этот черновик, но в целом, кажется, жалко его пропускать. Формы, данные здесь, кое-где отредактированы, путем удаления повторов, незначительным уточнением формулировок, опущения нескольких очень непонятных замечаний и повсеместным использованием макронов вместо сбивающей с толку мешанины макронов и циркумфлексов в рукописи.

***

Существительные мужского, женского, общего рода различаются только в субъектном падеже единственного числа, где суффикс для мужского рода *-in*, женского рода *-in*, общего рода *-(a)n*. Существительные женского рода также очень редко являются «основными», т.к. почти всегда образованы суффиксом от существительных мужского или общего рода [см. стр. 426].

Существительные мужского и женского рода также большей частью стали слабыми, так как, как правило, они проявляют удлинение в корне (в последнем слоге) в качестве средства словообразования, а не склонения.

Поэтому, в качестве соответствия сильным существительным I типа среднего рода, у нас имеется немногочисленный тип существительных I(a), таких как *tamar* «кузнец» и сокращающуюся в числе разновидность I(b), такие как *phazān* «принц, сын короля». В качестве соответствия сильным существительным II типа среднего рода есть малый тип II(a), главным образом существительных общего рода, таких как *raba* «собака», и тип II(b), существительных, оканчивающихся на *-ū* (м.р.), *-ī* (ж.р.), *ā* (общ.р.), к которым добавлены существительные, оканчивающиеся на *ō* (м.р.) и *ē* (ж.р.) [по ним см. ниже]. Они обычно превратились в слабые.

Сильные существительные I(a) типа

Примеры: *tamar*, м.р. «кузнец», *nithil*, ж.р. «девушка», *nimir*, общ.р. «эльф», *uruk*, общ.р. «гоблин, орк».

Ед. ч.	Общ. пад.	tamar	nithil	nimir	uruk
	Суб. пад.	tamrun	nithlin	nimran	urkan
	Объектн. пад.	tamur- (tamru-)	nithul- (nithlu-)	nimur- (nimru-)	uruk- (urku-)
Дв. ч.		tamrāt	nithlāt	nimrāt	urkāt
Мн. ч.	Общ. пад.	tamīr	nithīl	nimīr	urīk
	Суб. пад.	tamrim	nithlim	nimrim	urkim

[стр. 437]

Сильные существительные I(b) типа.

Примеры: *phazān* «принц»; *banāth* «жена»; *zigūr* «волшебник».

Ед. ч.	Общ. пад.	phazān	banāth	zigūr
	Суб. пад.	phazānun	banāthin	zigūrun
	Объектн. пад.	(phazūn-) phazānu-	(banūth-) banāthu-	(zigūr-) zigūru
Дв. ч.		phazānāt	banāthāt	zigūrāt
Мн. ч.	Общ. пад.	phazīn	banīth	zigīr
	Суб. пад.	phazīnim	banīthim	zigīrim

Сюда относятся только существительные мужского рода с *ā*, *ī* в конечном слове и женского рода с *ā*. И все они имели возможность склоняться по типу слабых существительных: мн. ч. *phazānī*, *-īm*, *banāthī*, *zigūrī* и т.д.

Сильные существительные II(a) типа

В этой группе совсем немного существительных мужского, женского и общего рода, поскольку они обычно имеют корни с долгим гласным в конце, и превратились в слабые. Сюда принадлежат, главным образом, устаревшие слова *naru* «мужчина», *zini* «женщина» (помимо *narū*, *zini*), и существительные, описывающие животных, такие как *raba* «собака».

Ед. ч.	Общ. пад.	<i>naru</i>	<i>zini</i>	<i>raba</i>
	Суб. пад.	<i>narun</i>	<i>zinin</i>	<i>raban</i>
	Объектн. пад.	<i>naru-</i>	<i>zinu-</i>	<i>rabu-</i>
Дв. ч.		<i>narāt</i>	<i>zināt</i>	<i>rabāt</i>
Мн. ч.	Общ. пад.	<i>narī</i>	<i>zinī</i>	<i>rabī</i>
	Суб. пад.	<i>narīm</i>	<i>zinīm</i>	<i>rabīm</i>

Существительные, соответствующие типу II(b), все стали слабыми, исключая *anā* «человек, человеческое существо», которое образует множественное число *anī* помимо слабого варианта *anīi*.

Ед. ч.	Общ. пад.	<i>anā</i>
	Суб. пад.	<i>anān</i>
	Объектн. пад.	<i>anū-</i>
Дв. ч.		<i>anāt</i>
Мн. ч.	Общ. пад.	<i>anī</i>
	Суб. пад.	<i>anīm</i>

Слабые существительные (a) типа.

Сюда относятся существительные, оканчивающиеся на согласный. Они редки как «основные» корни (исключая описанные выше в составных словах).

Примеры: *bār* «повелитель»; *mīth* «девочка»; *nūph* «дурак» [но *nīph* на стр. 426].

[стр. 438]

Ед. ч.	Общ. пад.	<i>bār</i>	<i>mīth</i>	<i>nūph</i>
	Суб. пад.	<i>bārun</i>	<i>mīthin</i>	<i>nūphan</i> (или м.р., ж.р. <i>nūphun</i> , <i>-in</i>)
	Объектн. пад.	<i>bāru-</i>	(<i>mīthu-</i>) <i>mīthi-</i>	<i>nūphu-</i> (ж.р. <i>nūphi-</i>)
Дв. ч.		<i>bārāt</i>	<i>mīthāt</i>	<i>nūphāt</i>
Мн. ч.	Общ. пад.	<i>bārī</i>	<i>mīthī</i>	<i>nūphī</i>
	Суб. пад.	<i>bārīm</i>	<i>mīthīm</i>	<i>nūphīm</i>

Слабые существительные типа (b).

Сюда относятся (1) существительные мужского и женского рода, оканчивающиеся на *ī* и *ī*, существительные общего рода на *ā*. Также (2) новый класс, существительных мужского рода на *ō*, женского рода на *ē*. Происхождение их не совсем ясно. Они кажутся производными от: (a) основных корней на *aw*, *ay*; (b) от *-aw*, *-ay*, использованных в качестве суффиксов

мужского и женского рода как варианты *u*, *i*; (с) от существительных общего рода с *a* + существительных м.р. с *u*, ж.р. с *i* вместо изменяемого гласного. Так, *raba* > *rabau* > *rabō*. Они специально используются для женского рода, поскольку *rabī* могло бы показаться таким же, как существительное общего рода во множественном числе.

Примеры: *nardū* «солдат»; *zōrī* «няня»; *mānō* «дух»; *izrē* «возлюбленная, любимая»; *anā* «человек». К этому типу (особенно во множественном числе) относятся многие названия народов, такие как *Adūnāi*.

Ед. ч.	Общ. пад.	<i>nardū</i>	<i>zōrī</i>	<i>mānō</i>	<i>izrē</i>
	Суб. пад.	<i>nardūn</i>	<i>zōrīn</i>	<i>mānōn</i>	<i>izrēn</i>
	Объектн. пад.	<i>nardū-</i>	<i>zōrī-</i> (уст. <i>zōrīyu</i>)	<i>mānō-</i>	<i>izrē (izrāyu)</i>
Дв. ч.		<i>nardūwāt</i>	<i>zōrīyāt</i>	<i>mānōt (mānawāt)</i>	<i>izrēt (izrāyāt)</i>
Мн. ч.	Общ. пад.	<i>nardūwī</i>	<i>zōrī</i>	<i>mānōi</i>	<i>(izrē) izrēnī</i>
	Суб. пад.	<i>nardūwīm</i>	<i>zōrīm</i>	<i>mānōim</i>	<i>(izrēm) izrēnīm</i>

Другие страницы набросков интересны тем, что показывают, что главное изменение в отцовской концепции структуры появилось в процессе работы: для существительных адунайского языка сначала различалось пять падежей: общий, субъектный, родительный, дательный и творительный. В качестве простого примера: в существительных мужского рода окончание склонения родительного падежа было *-ō* (мн. ч. *-ōm*); дательного *-s*, *-se* (мн. ч. *-sim*); и творительного *-ma* (мн. ч. *-main*), по происхождению оно было агглютинированным послелогом в значении «с» и выражало творительный падеж или комитативную связь. На этом этапе существительное мужского рода *bār* «повелитель» имеет следующую систему склонений (если я правильно её интерпретировал):

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Общ. пад.	<i>bār</i>	<i>bārut</i>	<i>bāri</i>
Суб. пад.	<i>bārun</i>	<i>bārut</i>	<i>bārim</i>
[Смп. 439] Род. пад.	<i>bārō</i>	<i>bārōt</i>	<i>bāriyōm</i>
Дат. пад.	<i>bārus</i>	<i>bārusit</i>	<i>bārisim</i>
Твор. пад.	<i>bāruma</i>	<i>bārumat</i>	<i>bārumain</i>

Что касается примечаний по другим аспектам грамматики адунайского, то они едва прослеживаются: есть некоторые отрывки, совсем черновые, по системе глаголов, слишком неудобочитаемые, для того чтобы извлечь из них нечто большее. Можно заключить, однако, что было три класса глаголов: I Двухсогласные, как *kan* «держат»; II Трёхсогласные, как *kalab* «падать»; III Производные как *azgarā-* «вести войну», *ugrudā-* «затмевать». Было четыре времени: (1) Аорист («соответствующий английскому настоящему времени, но используемый более часто как настоящее историческое или прошедшее время в повествовании»); (2) Длительное (настоящее); (3) Длительное (прошедшее); (4) Прошедшее («часто используемое как давно прошедшее время, когда аорист используется как прошедшее, или как будущее совершенное, когда аорист используется как будущее время»). Будущее время, сослагательное и желательное наклонение представлены вспомогательными глаголами; а страдательный залог был представлен неличными формами глагола «с подлежащим в винительном падеже».

Я отмечал раньше, об общей неисправимой сложности, которая имеется в основной массе филологических записок отца: Я писал в «Утраченном пути и других сказаниях» (том V, стр. 342. [Цитата в пер. М. Скуратовской и Д. Туганбаева – Прим. пер.]):

«Как будет показано дальше, филологическая составляющая эволюции Средиземья едва ли поддается анализу и со всей определенностью не может быть представлена так, как литературные тексты. Так или иначе, отцу, похоже, было интереснее изучать процессы изменения языков, нежели описывать их структуру и узус в тот или иной момент времени; хотя такое впечатление наверняка объясняется в какой-то мере тем, что он так часто начинал все с начала и брался за фонетику квендийских праязыков, приступая к великому замыслу, который никак не мог быть осуществлен (по-видимому, сама попытка создать окончательное, исчерпывающее описание сразу же вызывала неудовлетворенность и желание привести что-то новое, так что самые проработанные рукописи вскоре с пренебрежением отвергались)».

«Отчет Лаудхема», таким образом, примечателен тем, что ему фактически позволили остаться без последующей переделки, и причиной этого было то, что мой отец оставил дальнейшее развитие адунайского языка и никогда не возвращался к нему. Это ни в коем случае не означает, конечно, что в момент прекращения работы он не имел в уме проекта – и возможно, проекта достаточно полного – структуру грамматики адунайского языка в целом; означает лишь то, что он (насколько я могу знать) не написал об этом больше ничего. Почему это пришлось оставить – неизвестно, но, может быть, эта работа была прервана под грузом других забот на том месте, где кончается «Отчет Лаудхема», и, когда у него было свободное время вернуться к ней, он заставлял себя вновь браться за «Властелин колец».

В последующие годы он выбирал иные пути; но вернись он к развитию адунайского, то «Отчет Лаудхема» в том виде, каким мы его знаем, несомненно, был бы доведен до краха, так как новые [стр. 440] концепции вызывали изменения и сдвиги в структуре. Более чем вероятно, он мог бы начать снова, совершенствуя историческую фонологию – и, возможно, никогда бы не дошел до глаголов. Достижение конечной грамматики и лексикона не было, как я полагаю, основной задачей для «завершения» работы. Удовольствие ему приносило само творчество, творение новой формы языка, развивающегося в пределах воображаемого времени. Незавершенность и непрерывность изменения, что часто расстраивает тех, кто изучает эти языки, было неотъемлемой частью этого искусства. Но в случае адунайского языка, как оказалось, было достигнуто стабильное состояние, хотя и неполное: основательный доклад об одном из великих языков Арды, появившийся благодаря необычным способностям Уилфрида Джереми и Арунделя Лаудхема.

От редакции: по техническим причинам двойные надстрочные знаки расположены последовательно, а не один над другим, как в оригинале.

Сергей Беляков «Коллекция в настоящее время - мой приоритет в толкиноведении»

Интервью Константина Пирожкова с Сергеем Беляковым

Многие новые отечественные издания Толкина и книги о нём в последние годы выпускаются с вашим участием, даже если вы не упомянуты там прямо. Напомните, пожалуйста, какие это издания? Как так получилось, что вы оказались задействованным в их подготовке лишь относительно недавно, и какова степень вашего участия?

Все происходит и случайно, и закономерно. У меня наметанный глаз и врожденные качества корректора, поэтому поиск опечаток и ошибок в текстах – одно из любимых моих занятий, каким бы оно не показалось странным. И вот, когда стали появляться переводы Толкина от творческого объединения «В-другом-месте», я в соцсетях начал публиковать обзоры книг и списки опечаток. Далее – пересечение с переводчиками и редакторами

Толкиновского общества и приглашение поработать в качестве корректора, принести, так сказать, пользу российским толкинистским кругам. В подготовке книг в основном принимаю участие как корректор, хотя выполняю и консультирующую, и редакторскую роль, а иногда приходится быть и переводчиком. Мой скромный вклад оборачивается упоминанием (или неупоминанием) фамилии в выходных данных и авторскими экземплярами (не всегда). Согласитесь, приятно, когда в книге стоит «С. Беляков». Значит, хоть что-то, но останется после меня. Бывает так, что после правки и издания книги встречаешь-таки пробравшиеся в текст опечатки – совесть потом мучает: не углядел, глаза замылились...

Какие же книги были изданы с моим участием и за которые мне не стыдно (хотя огрехи есть и там)? В первую очередь это пятый том «Истории Средиземья», который скоро выйдет в издательстве «АСТ». Надеюсь, фамилия в выходных данных сохранится. Изданный недавно русский перевод «Берена и Лутиэн» тоже мною вычитывался на корректуру, но указаний на это в книге, к сожалению, нет. А вот в третьем томе «Истории Средиземья» от «АСТ» «Песни Белерианда» фамилия прозвучала. Как наверняка она будет стоять в российском издании Джона Гарта «Миры Дж.Р.Р. Толкина», где я выступил в роли корректора, соперевода и соредатора (сразу скажу, что пара опечаток в эту книгу просочилась, так что не ругайте сильно, когда будете читать!). Может, были еще какие-то издания, но я сейчас не вспомню.

Кроме книг Толкина, я приложил руку и к книгам об Иване Ефремове и роману Ольги Ереминой и Николая Смирнова «Сказание об Иргень», где выступил еще в роли картографа и консультанта по астрономическим вопросам. Но это совсем другая история...

Подобный вопрос обычно задают первым, но я поставлю его вторым. Как бы вы рассказали о себе читателям нашего журнала?

Сложный вопрос... Если кратко, то по образованию я инженер-эколог, работал инженером-проектировщиком, сейчас работаю педагогом в Ивановском музее камня школы-музея «Литос-КЛИО» Центра детского творчества №4 города Иваново. Всю жизнь увлекаюсь астрономией, провожу массовые астрономические мероприятия, участвую в палеонтологических и краеведческих экспедициях, имею массу публикаций по данной тематике. Главная страсть – книги. Из писателей очень люблю Ивана Ефремова, Кира Булычева, Владислава Крапивина, но особую любовь питаю к творчеству Толкина. Женат, двое детей.

С чего всё-таки началось ваше знакомство с миром Толкина: с февральского журнала «Пионер» 1987 года с иллюстрациями А. Мелик-Саркисяна к «Кузнецу из Большого Вуттона», со стихотворений о Мордоре зимой 1990/1991 года, или с библиотечных «Хранителей»?

Хронология событий уже обозначена, поэтому... Конечно, с журнала «Пионер»! Я не буду пересказывать в очередной раз эту занятную историю не очень приятного знакомства с творчеством Толкина. Подробно о ней можно прочитать в «Предыстории» к выкладываемой на сайте музея камня моей книжной коллекции. Как показывают опросы, этот февральский номер «Пионера» с удивительными, просто волшебными, потрясающими и по-настоящему толкиновскими рисунками Аркадия Мелик-Саркисяна для многих был первым знакомством с миром Толкина, поэтому я здесь не одинок.

Хочу сказать спасибо двум людям, благодаря которым Толкин навсегда вошел в мою жизнь. Это одноклассник Дмитрий Чухлов, хозяин того самого «Пионера», и заведующая нашей районной библиотекой Лариса Прытчикова. Все остальные были потом...

Толкин в госпиталях грезил об Утраченных сказаниях. Вы, в отличие от него, оказались в госпитале отнюдь не в качестве пациента. Можете ли поделиться этим не самым обычным жизненным опытом с читателями?

Вот как раз сначала именно в качестве пациента. Это уже потом дорос до старшины хирургического отделения ЦВГ 150. Да, случилось это в армии, летом 2001 года. Тогда я еще не знал, что осенью буду комиссован, поэтому очень переживал, что не смогу посмотреть в кинотеатре первую серию «Властелина Колец» Питера Джексона. Но удача повернулась ко мне лицом...

Работа в госпитале тяжелая – ведь он держится на солдатах-санитарах. Все на них. Спал по четыре часа в сутки, а то и меньше, мыл полы и перевязочные, ставил градусники, делал бинтовые тампончики, вывозил мусор, менял белье, водил пациентов на процедуры, следил за капельницами, ремонтировал кушетки и выносил утки. Но успевал как-то читать книги из госпитальной библиотеки и писать ежедневные многостраничные письма друзьям и родным. И во многих письмах всплывала тема творчества Толкина и мои размышления о нем. Тогда же впервые прочел «Руслана и Людмилу» и обнаружил немало параллелей и совпадений с легендариумом. А в «Книжном обозрении», что выписывала библиотека, отслеживал толкиновские книжные новинки и по телефону просил маму приобрести их. Кстати, в библиотеке книг Толкина не обнаружилось, поэтому читал Лазарчуков и разнообразный научпоп. Как-то ближе к концу службы подсчитал, сколько было прочитано книг. Оказалось более полусотни, точно уже не вспомню. И это за четыре месяца. Вся статистика отражена в письмах.

Вообще армия и работа в госпитале дали большой жизненный опыт, которого я не стыжусь и который не прячу. По крайней мере, познания в медицине расширились довольно широко, включая и практическую часть.

Как Вы впервые оказались в «северной столице» и познакомились с Толкиновским обществом Санкт-Петербурга? Что общего было у петербургских толкинистов с «Пригорьем», и чем они отличались?

Троекратный приезд в Ленинград (kill me, but sic!) был связан с участием в Большом толкиновском семинаре. И три раза я выступал с большими докладами, посвященными хронологии, астрономии и сравнительной текстологии. Не все доклады были равнозначны. Первый, по реконструкции хронологии событий «Хоббита», потерял актуальность и устарел в связи с выходом книги Джона Рейтлифа «История “Хоббита”», а третий доклад на Шестом семинаре мне вообще зарубили, хотя я считаю, что совершил небольшое текстологическое открытие, которое ранее никто до меня не замечал, чем очень горжусь. Речь идет о явном параллелизме в описании воинства Валар в главе «Оковы Мелько» первого тома «Книги Утраченных сказаний» и четырех апокалиптических всадников из шестой главы «Откровения Иоанна Богослова»...

На семинарах я познакомился с членами Толкиновского общества СПб, с которыми до сих пор активно общаюсь в сети. Благодаря этим замечательным людям неоднократно публиковался в журнале «Палантир». С тех пор вот и сотрудничаю с московскими и питерскими (и не только) толкиноведческими кругами.

Если говорить об отличиях от ивановского клуба любителей Толкина «Пригорье», где я бывал в начале 1990-х годов, то питерцы, конечно, больше ориентированы на академичность и работу с текстами, тогда как ивановцы в первую очередь были ролевиками и реконструкторами.

Как завершилась активная деятельность клуба ивановских толкинистов? Есть ли возможность возрождения широкого интереса к этой теме в Иванове (и шире – за пределами городов-миллионников) или возникновения нового фэндома, наподобие поклонников Джоан Роулинг в 2000-е?

Клуб «Пригорье», возникнув на волне интереса к творчеству Толкина, первым переводам на русский язык и проведению «Хоббитских игр» и других ролевых игр в 1990 году, к 1996 году начал распадаться на отдельные клубы. Много ярких личностей с талантами руководителей и лидеров стали тянуть одеяло на себя. Затем одни объединения исчезали, другие возникали, кто-то ушел в чистую реконструкцию и занялся историей России, кто-то продолжал играть в ролевки. Интерес к текстам поуяс. Однако ядро клуба, основатели, уже взрослые и состоявшиеся дяди и тети, иногда продолжают собираться, встречаться и проводить совместные мероприятия.

К сожалению, надежды на возвращение нет. Ушел энтузиазм, исчезла новизна. Ныне все доступно, нет азарта поиска неизвестного, на чем может держаться объединение. Поэтому даже если подобный клуб и возникнет, он просуществует недолго. А сетевые сообщества тоже недолговечны. У меня есть подобный печальный опыт. Так вот и остается выступать где-то с докладами, проводить разовые выставки, но не более. Все варятся в собственном соку. Для создания клуба нужна критическая масса людей, как в крупных городах. Иваново недоотягивает.

Уже много лет вы, пожалуй, самый активный энтузиаст толкинистики в Иванове. Не последнее место в вашей деятельности занимает коллекционирование. Сколько сейчас изданий в вашем собрании? Как вы используете его для популяризации творчества Толкина?

Ну насчет самого активного – наверное, соглашусь. Если кто-то и есть еще, более продвинутый, о них не слышно, их не видно. Моя же активность складывается из участия в сетевых толкиновских сообществах, работе в творческих объединениях по переводу и изданию текстов Толкина, написания статей (мало, хотелось бы быть более плодотворным), а также выставок коллекций, где я показываю свою толкиновскую коллекцию книг, журналов и других предметов. Эта коллекция в настоящее время – мой приоритет в толкиноведении. Сейчас в ней насчитывается более шести сотен томов, номеров журналов, дисков, постеров, значков и прочих единиц хранения. Не все они выложены на сайте Ивановского музея камня, но подавляющее большинство описано в моем ЖЖ. О коллекции пишу в толкиновских группах в соцсети «ВКонтакте». Саму коллекцию, как уже упоминал, пропагандирую на музейных и библиотечных выставках, в молодежных объединениях. О ней пишут наши местные СМИ.

Кстати, по коллекции. Если вначале она собиралась бессистемно, то в последнее время я стараюсь соблюдать кое-какие правила: первые и серийные издания на русском языке, разнообразные переводы, оригиналы на английском языке, переводы книг на разные языки мира. Сейчас у меня имеются экземпляры «Хоббита» и / или «Властелина Колец» и /

или «Сильмариллиона» на двадцати трех языках: от английского, армянского и венгерского до украинского, черногорского и японского. Есть даже «Братство Кольца» на африкаансе, языке географической родины Толкина – Южной Африки. Надеюсь, что список языков в будущем расширится. Очень горжусь раритетными изданиями, в том числе прижизненными. Есть экземпляры, которые могу назвать жемчужинами коллекции. Это, например, первый том «Властелина Колец» 1956 года в довольно хорошей сохранности. Или самый первый опубликованный на русском языке текст Толкина (отрывок из «Хоббита» неизвестного переводчика) в журнале «Англия» за 1969 год. Есть хрестоматия по английской прозе и поэзии XIV века К. Сайзема с первой научной публикацией Толкина – «Словарем среднеанглийского языка» (впервые выпущен в 1922 году, но у меня переиздание 1959 года с интересной историей). Конечно, «Пионер» за февраль 1987 года – он был первым. И, разумеется, книги, к изданию которых приложил руку.

Хотя я и считаю свою коллекцию довольно большой, но в России есть коллекционеры, чьи сокровища в разы больше. И разнообразней. И с уникальными, просто раритетнейшими изданиями. Соревноваться не хочется, но пример брать надо.

Как считаете, отчего другие обладатели толкиновских библиотек не используют их, как вы? Есть ли у них какие-то издания, которые Вам хотелось бы заполучить?

Ну, может, скромничают. Может, ждут, когда количество перейдет в качество, и мы

увидим... «Что? Что, Гэндальф? Что увижу?» То, что хотелось бы иметь и мне. Очень хочется делюксовое издание «Властелина Колец» в коробке и цветными иллюстрациями – у меня лишь два варианта бюджетных однотомных изданий в тонкой обложке. Хочется трехтомник Уэйна Хэммонда и Кристины Скалл. Хочется их же «Толкин: художник и иллюстратор». Желаний много, все не перечислишь, только вот финансы не позволяют. И места в квартире катастрофически мало...

Как относится к вашему увлечению семья? Вырастут ли ваши дети толкинистами, и надо ли прививать детям любовь к толкиновскому творчеству?

Семья, к сожалению, относится безразлично-отрицательно. Ну, представьте, что весь стеллаж заставлен моими книгами в два ряда и еще на столе и полках, а жене с детьми свои книги ставить некуда. Плюс бюджетные расходы. Поэтому в пополнении коллекции надеюсь на дарение.

С детьми сложно. Если старшая, по сути, выросла на мультиках про олифаунта, фаститокалона, кота и мистера Блисса от «ТТТ» и без книжек Барто и Чуковского ее увидеть было нельзя, то, как только она пошла в первый класс, сразу от книг как отрубил: «Не давите на меня! Книги читают только зануды! Мне это неинтересно!» Заставить невозможно, школьную программу читает через силу, через не могу. Поэтому надежда на то, что она прочитает когда-нибудь «пятикнижие» и далее, крайне мала. Хотя с сюжетом дочка знакома, фильмы Джексона фрагментарно смотрела. Ну а если говорить о младшем, то тут еще какие-то выводы делать рано. Знаю только, что упомянутые мультики ему нравятся, а под чтение первых страниц «Властелина Колец» от Зинаиды Бобырь он прекрасно засыпает.

Что касается других детей, то есть у меня масса примеров, когда мои друзья заражались от меня вирусом под названием «Толкин» и читали эти книги своим малым детям. И, представьте, словарный запас этих детей увеличивался многократно. Они, уже выросшие, знают, любят и продолжают читать книги Толкина.

Вашей коллекции уже не один десяток лет. Росла ли она с постоянной скоростью, или же были периоды бума и затишья? Какое участие в ее пополнении принимали члены Толкиновского общества Санкт-Петербурга?

Да, собирать я книги начал давно. Первые «Хоббиты» и «Властелины Колец» появились в самом начале 1990-х. Но активное коллекционирование началось около пятнадцати лет назад. Были и всплески активности, и затишья. Все зависит от новинок в магазинах или полноты кошелька. Особенно плодотворно коллекция стала пополняться, когда я начал рассказывать о ней в Интернете. Многие знакомые, выезжая за границу на отдых или по делам, специально по моей просьбе ищут книги Толкина на тамошних языках. Кто-то дарит, что-то приобретаю на сетевых барахолках. Иногда попадают книги «с историей»: с автографами, пометками, пожеланиями. Это ведь так интересно проследить, читали ли книгу, кому она предназначалась и когда это случилось.

Про Толкиновское общество.... Особо отмечу Александра Кудряшова, благодаря которому коллекция пополнилась просто невероятным количеством томов и журналов, включая редкие, очень редкие и ну очень редкие издания. Вообще почти все фамилии, кто так или иначе помогал, перечислены в «Предыстории» к выставленной на сайте музея камня коллекции.

Журнал ТО СПб «Палантир» я начал читать в начале 2000-х, когда стал доступен Интернет. А в конце 2000-х в нем появились и мои статьи. Сначала как тексты докладов на БТС, а потом просто как самостоятельные исследования. Жаль, что статей этих немного...

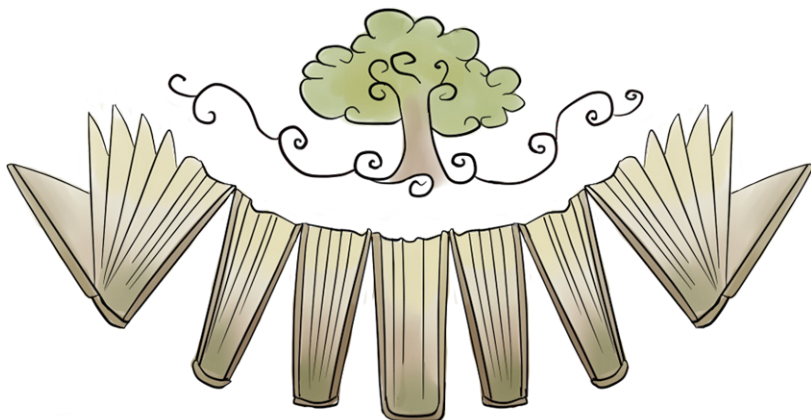
Какие у Вас сейчас планы в сфере толкинистики?

В первую очередь продолжать сотрудничать в сфере издания переводов книг и текстов Толкина. Во-вторых, надо писать статьи, надо. Нужно! В третьих, расширение коллекции. В языках, в редких и ранних изданиях, в наименованиях. Еще не все оригиналы собраны, еще впереди масса языков. А издательства, как назло, стали придумывать серии вроде «Толкин: разные переводы» или «С иллюстрациями Д. Гордеева». Ну как отказаться!

Хочется также наладить прямые контакты с зарубежными толкиноведами (мешает моя моноязычность) и расширить связи с отечественными. Очень жду выхода четырнадцатого тома «Истории Средиземья» с сотнями неизвестных ранее страниц текстов Толкина. Предвкушаю появление первых серий «Властелина Колец» от «Амазона». Планов много, реализуются ли?

Желаем, чтобы все они реализовались. Спасибо за интервью!

Вам большое спасибо!

Когда прострекочет грозд